

ВОЛОГДА·XX ВЕК

**СЕРГЕЙ ЧУХИН
БЕСКОНЕЧНЫЙ
ПУТЬ**

«Память сердца»

СЕРГЕЙ ЧУХИН
БЕСКОНЕЧНЫЙ
ПУТЬ

стихи

Вологда. 2000

Сергей ЧУХИН

Чухин Сергей Валентинович родился 12 октября 1945 года в дер. Бабцино Вологодского р-на Вологодской области в семье сельских учителей. По окончании Погореловской средней школы Сергей Чухин учился в Вологодском государственном пединституте, а в 1965 году поступил на вновь открывшееся очное отделение Литературного института им. Горького. Пять лет занимался в семинаре С. В. Смирнова. В 1968 году Северо-Западное книжное издательство выпустило первую книгу молодого автора «Горница». После окончания института С. Чухин три года работал корреспондентом районной газеты в гор. Грязовце Вологодской области. С 1973 года переехал в Вологду, был сотрудником областной газеты «Вологодский комсомолец». В те годы вышли сборники стихотворений талантливого поэта в «Молодой гвардии», а также в Северо-Западном книжном издательстве. Публиковался в различных альманахах и журналах. Поззии Сергея Чухина были свойственны мягкая лирическая интонация, удивительная искренность и классическая простота.

В 1985 году жизнь С. В. Чухинаtragически оборвалась. «Бесконечный путь» — итоговый сборник стихотворений, куда вошло лучшее, написанное поэтом в разные годы жизни.

И СЕРДЦЕ ПО ЛЕВУ РУКУ

*Работай, друг мой,
Душою чист,
Один проходи
Науку.
По праву руку —
Бумаги лист,
И сердце —
По леву руку.
Но легче будет писать
Вдвоеем,
Если,
Навек успоясь,
Рядом с тобою —
Поводьрем
Незамутненная
Совесть...*

Эти строчки из стихотворения талантливого вологодского поэта Сергея Чухинацитировал в одной из телевизионных передач ЦТ Виктор Астафьев: «Это стихотворение всегда со мной, на моем рабочем столе», — говорил он. А написано оно было сразу после окончания Литературного института им. Горького, в начале 70-х, и вошло в книжку С. Чухина «Дым разлуки», изданную Северо-Западным книжным издательством в 1974 году. Оно и стало заповедью поэта на всю его творческую жизнь.

Поэтическое творчество он считал главным делом своей жизни, был совершен- но чужд конъюнктуре и каждой строкой своей отстаивал право писать «не левее сердца», что в те годы было непросто.

Тоненькие книжки Сергея Чухина выходили нечасто. При жизни ему удалось

© Чухин С. В., 200

издат. шесть книг. Из них «Дни покоя» и «Ноль часов» — в столичном издательстве

«Молодая гвардия», остальные — «Горница», «Дым разлуки», «Осенний перелет». «Стихотворения» — в Северо-Западном книжном издательстве. После смерти поэта в 1988 году, вышел в Северо-Западном книжном издательстве итоговый сборник его стихотворений «Придорожные камни», хорошо изданный, в толстом переплете. Тематика чухинской лирики разнообразна, как сама жизнь, которую он любил о чем писал проникновенно и светло:

*Так я все люблю! И даже жутко,
Что в последний раз отметит взгляд,
Как в сырой канаве незабудки
Рядом с маргаритками стоят.
И всему земному мирозданию,
Где цветет и золотится май,
Каждый день шепчу я: «До свиданья»,
Каждый день боюсь сказать: «Прощай...»*

Удивительная мягкость и сердечность его стихов, доверительная форма лирического общения с читателем создали неповторимую чухинскую интонацию и нашли многочисленных верных поклонников его творчества не только на родной Вологодчине.

Стихотворение «Подвигаюсь к вечному порогу» было написано поэтом, которому перевалило за 30, и вошло в сборник «Осенний перелет», изданный в 1979 году. А в 40 лет, в 1985 году, простившись со всем, что самозабвенно любил, ушел из жизни замечательный проникновенный русский лирик Сергей Валентинович Чухин, несправедливо забытый современниками. Он должен занять свое достойное место в ряду известных поэтов не только Вологодчины, но и России, — и эта книжка — это верное подтверждение.

Нина ГРУЗДЕВА

Настроив душу на добро,
На чистоту лесной берёсты,
Понять природу так же просто,
Как птице обронить перо...

* * *

* * *

Ах, как ласточки реяли в выси!
Нежным сеном тянуло с полей.
И слетались вечерние мысли
На огонь сигаретки моей.
Шли подводы деревнею грузно,
За подводами шли мужики.
Нам для горести многое нужно,
А для счастья совсем пустяки:
Только б ласточек в выси,
Да эту
Вечеревшую благодать,
Да еще докурить сигарету,
И заснуть...
И проснуться опять.

* * *

Друзей потянет кочевать,
А ты у осени попросишь
Бумаги лист, оконца просинь
И деревянную кровать.

Листва засыплет водоем,
Придет спокойная погода.
Пройдет скрипучая подвода —
И день потянется за днем.

По родной земле кочую,
По чужим домам ночую.
Стукну в дверь. Кричат: «Войдите!» —
«Можно переночевать?» —
«Проходите, Бога ради!
Добрым людям будем рады.
Выбирайте, что хотите:
Вон — полати, вон — кровать».

Не спеша идет беседа.
«Далеко ли и откеда?»
Не скрываю, отвечаю,
Мне и нечего скрывать.
Словно дивная жар-птица,
Самовар на стол садится.
После трех стаканов чаю
Покурю — и почивать.

Утром встану — понемногу
Собираюсь в путь-дорогу,
Тихо двери отворяю
И ступаю со двора.
По родной земле кочую,
У родных людей ночую
И поэтому желаю
Им здоровья и добра.

* * *

Стояли в марте холода,
Но через две недели
Пришло тепло — и, как всегда,
Мостами хлынула вода,
И льдины ржавые пруда
В три дня перегорели.

Великолепная пора! —
Во всем разгаре страсти:
Буксуют даже трактора,
По лужам с криками «Ура!»
Летит галопом детвора,
Рыбак готовит снасти.

И в небесах идут бои,
И там скворцам нимало
Не уступают воробы
Квартиры зимние свои.
Легко ль с привычной колеи
Лететь куда попало?

Прекрасен воздуха настой!
Иду хмельной, бедовый.
И мне кричит цветок простой:
«Куда ты топаешь? Постой!
Взгляни, какой я новый!»

* * *

Прошла машина, тяжело дыша.
Осела пыль — и прояснились дали.
Куда спешить и жать на все педали?
Угомонись, веселая душа!

Стоит такой божественный закат,
Раздельно так и широко пылает,
И облака лучами подпирает,
И я закату, словно другу, рад.

И вообще идется мне легко!
То под кустом увижу медуницу,
А то спугну загадочную птицу
И взглядом провожаю далеко.

Куда спешить... И я домой не рвусь,
Я предаюсь нежданному покою.
Запомнишь же, запомнишь мне такою,
Вечерняя и дорогая Русь!

А ты, душа, притихни поскорей,
Угомонись и полюби дорогу,
Что к лесу подается понемногу,
Как память сердца к юности моей...

* * *

Скорее бы заиндевели окна.
И за двойною толщею стекла
Шоссейная дорога приумолкла,
А пешеходов стужа доняла.

Наступит одиночества отрада,
И думы, что по-зимнему чисты,
Естественные, словно снегопады,
Осядут на покорные листы.

* * *

Метелью окна занавешены.
Шумит согретый самовар.
Сидят немолодые женщины
И с блюдечек сдувают пар.

Сидят немолодые женщины
И тихо, не наперебой,
Судьбою общею утешены,
Беседуют между собой.

Они беседуют, беседуют,
Платочки на коленях минут.
На ребятишек мягко сетуют:
«Обутки больно много рвут...»

Слова плывут, заботой теплятся
И тают около дверей:
«Коровы скоро ведь отелятся,
А сена мало на дворе.
И водокачки, что обещаны,
Стоят холодные, без крыш!»
Расходятся по избам женщины,
О всем не переговоришь...»

* * *

Как ясно, как чисто, как строго
Под соснами на ветерке!
Еще погуляем немного
От дома невдалеке?

Успеем к вечернему чаю,
А не успеем — пустяк!
Сейчас по пути замечаю —
Давно не гуляли вот так:

Мелодии перевиная,
Услышанные вчера,
И мысленно перебирая
Похожие вечера.

Похожие были, да сплыли.
Единственный это денек:
Тепло остывающей пыли,
Смолистый далекий дымок.

* * *

В вечерний час звука рассветом...
А. Блок

Закричали вечерние птицы
За оврагами, рядом, во рву.
Молодого тумана крупицы
Понемногу согнули траву.

На реке ивняки потемнели,
Потемнела гряда камыша,
Потемнели песчаные мели,
Но зато посветлела душа.

Вместе с ней посветлели сараи,
Отдаленные скрипы подвод,
И трава посветлела сырья,
И река посветлеет вот-вот.

* * *

Она чиста, дороженька лесная!
 Но вот однажды прохожу по ней —
 Навстречу мне угрюмо, не мигая,
 Из-под листа вылезит муравей.

Он на дыбки поднялся по-медвежьи
 И прекратил мой безмятежный путь.
 За милый край песчинок и валежин
 Готов любому голову свернуть.

Храбрец решил: мол, этого осилю —
 И грозно покатился на врага.
 Пришлось ретироваться за осину...
 Кому на свете жизнь не дорога?

Противник мой немного удивился,
 Нашел иглу — и с ней наперевес,
 Пощевелив усами, удалился...
 Такой погибнет,
 Но не выдаст лес.

* * *

Не забывай минувшие печали,
 Любовь найдя и доброту найдя.
 А если позабудешь, то сдва ли
 Они опять не посетят тебя.

Ни прежние надежды и ни вера
 Тебя не отрезвят, и потому
 Былая боль — единственная мера
 Сегодняшнему счастью твоему.

* * *

Апрельские вянут сугробы,
 под землю уходят, ко дну.
 Задумываюсь,— а в кого бы
 влюбиться на эту весну?

Задумываюсь, а не стоит...
 Любовь от ума далека:
 достойного не удостоит,
 зато наградит дурачка.

Зачем эти книги на полке,
 зачем и писать, и читать?
 Не лучше ль сидеть на пропеке,
 не лучше ль ворон посчитать?

Что биться над черновиками!
 Не лучше ль будет опять
 стоять у девчат под снежками
 и в хокките их утопать?

* * *

Снегу светлому поклоняюсь,
 Снегу — чистой душе небес.
 Поклоняюсь ему, покоряюсь
 И не жду от него чудес.

Но всегда благодарен душою,
 Что в морозные дни января
 Не хоронит поля под собою,
 А собою спасает поля.

* * *

Широкие темные рощи,
Где пахла сырая трава,
Всегда помогали попроще,
Полосковой выбрать слова.

От нежности лица белели,
И плыли средь березняка.
И добрыми лапами ели
Макали издалека.

Глупее мы были, моложе,
Боялись недобрых глаз.
Любовь миновала, но все же
Она не минула нас.

Поныне средь шума лесного —
Лишь имя твое назови! —
И губы разомкнуты снова
Простыми словами любви.

* * *

Поле раскисло под ливнями.
Что на погоду пенять?
Местная авиалиния
Почты не может принять.

Жмутся к заборам прохожие,
Хлюпают грязь и вода.
Были недели погожие —
Были и письма тогда.

Как это трудно: разглядывать
И перечитывать вновь,
Сгибы легонько разглаживать
Писем, где дышит любовь,

Где через нотки отчаянья,
Настраивая на смех,
Строчек твоих окончания
Чуточку загнуты вверх...

* * *

Пришли на память милые грехи.
Со мною полушепотом болтая,
Сидишь темноволосая, босая.
Горланял по деревне петухи.
Мой легкий плащ тебе великоват,
А ты никак его надеть не хочешь,
Но все же надевашь и хохочешь,
Взглянув на новоявленный наряд.
От этой ночи долго до любви!
Но я не в силах справиться с волненьем...
А между тем, захлебываясь пеньем,
Деревню атакуют соловьи.
За перелеском от незримых струй
Туман летит и, подымаясь, тает.
И наша ночь от окон отступает,
Короткая, как первый поцелуй.

* * *

Отличная нынче погода:
И ясно, и ветер тугой!
Не видели около года
Хорошей погоды такой.

Приятно гулять за дворами,
Приятно забыть на денек,
Что не конопачены рамы,
А холод уже недалек.

Сосед на пророка походит,
Когда не спеша говорит:
«Плохая погода проходит,
Хорошая — постоит».

А птицы из глуби зенита
Кричат, улетая от выюг,
И клин, словно стрелка магнита,
Указывает на юг.

* * *

Нам по душе погожие деньки —
Они безгрешным солнышком повиты.
Нам по душе широкие ракиты,
И старых мельниц жернова и плиты,
И тихий ток заброшенной реки.
Мой добрый друг, он счастлив, как дитя,
Что я не нахвалился его местами
И луговыми чистыми цветами...
— Ну что,— смеется,— ноги не устали? —
И мы с ним дальше топаем шутя.
На вырубке, где мхом покрыты пни,
Он снова улыбается: — Взгляни-ка...
— О господи! Какая земляника! —
Веселого не сдерживаю крика.—
Она клубничке более сродни! —
...И дальше мы шагаем налегке.
Пчелиная вокруг играет выюга,

И, топая средь млеющего луга,
Мы радуемся радости друг друга,
Как радуемся солнцу и реке.

* * *

Н. Рубцову

Уходим за последними грибами
Под крапающим изредка дождем.
Хотя отлично понимаем сами,
Что ничего сегодня не найдем.
Уходим за последними грибами,
И для согрева пробуем бежать,
И сигаретки теплые губами
Стараемся подольше подержать.
На пустоши давно ли ограбили
Просушенное сено... А сейчас
Уходим за последними грибами —
За первыми ходили и без нас.

* * *

Свалянные травы под ногами,
Наверху темнеют облака.
Небо пахнет первыми снегами,
Можно говорить наверняка.
По округе холоднее стало.
Оттого и хрюпнут петухи,
И давно не собирают стадо
Выборные наши пастухи.
Наши реки вдруг захолонули,
Только в избах держится тепло,
Только утки тихо повернули
С правого на левое крыло...

* * *

Благословенны дни покоя.
Милы, безоблачны, близки
И эти лодки на приколе,
И всплески мягкие реки.

Вода, пронизанная светом
(Она теплей под вечера),
Рыбак, пришедший за советом,—
Полны привета и добра.

И ветер, облетая сушу,
Незримо, но наверняка
В людей свою вдыхает душу,
Как в дерева. Как в облака.

* * *

Пускай со мной душа моя умрет,
Пусть без нее наступит время года,
Пусть без нее воды круговорот
Продолжит неуемная природа.
Пускай со мной душа моя умрет,
В другое тело не перелетая,
Другой душе не принося забот,
Пускай со мной душа моя умрет,
Невечная, спокойная, простая.
Не надо мне заоблачных высот,
Где пустота сознанье убивает.
Пускай со мной душа моя умрет,
Но только раньше пусть не умирает.

* * *

Шуршат сухие ивняки,
И холодны на дне реки
Недавно теплые пески,
И пусто на пологом поле.
И эта темная река
Спокойна и неглубока,
Стоят спокойно облака
И лошади на водопое.
Качая зыбкие мостки,
Полощет мать половики:
«Покуда ведрены деньки,
Покуда ветры стали тише...»
И дале причитает мать,
Что надо все перестиарть,
Пока дожди полосовать
Не начали по нашей крыше.
Приходит матушка домой
И, прислоняясь к печи спиной,
Подолгу говорит со мной,
Что вянут за деревней склоны
И, знать, зима недалека...
Стоят спокойно облака,
Спокойна тихая река,
И только люди неспокойны.

* * *

Мне жалко покидать реку,
Где пахнет выловленным илом,
Где, занесенное разливом,
Лежит бревно,
А по песку
Гуляют гуси.

Жалко мне
Оставить яблони лесные,
Поляны светлые...
Отныне
На незнакомой стороне
Среди привычной суеты
Случайный шум ветвей напомнит
И холодок просторных комнат,
И лес, и друга, и цветы.
Неповторимая пора!
Она продлилась только лето,
Но ей спасибо и за это:
За луг, реку и дым костра.
Пускай с друзьями я не раз
Еще увижу эти воды,
Другие это будут годы
И все другое встретит нас.

* * *

До свиданья, родная сторонка!
Чемоданчик в руке и билет.
Откровенно, слезами ребенка,
Мне заплакала девушка вслед.
Отвалил пароходишко ветхий
От знакомых домов и берез,
И, веселый, по палубе верхней
Я шатался, не слишком тверез.
И поехала жизнь, завертелась!
Чемоданчик потерся, ну что ж...
Не скрываю, порою хотелось,
Чтобы времечко, глупое сплошь,
Воротилось!.. Но разве вернется!
А не верить нельзя — потому,
Может, счастье еще улыбнется,
Да и сам улыбнешься ему.

Так прости же, родная сторонка!
Лишь одно не отмолится, нет,
Как открыто, слезами ребенка,
Мне заплакала девушка вслед.

* * *

На улице,
Наверно, застывает.
Ночь ветреная,
Морозна и ясна.
И засыпает,
Тихо засыпает
Усталая от разных дел
Жена.
Во сне
Пусть от нее отступят страхи
За мир и лад,
За близких и родных...

Горят в печи, потрескивая, плахи,
А у трубы, наверно, жмутся птахи.
Мне так бы всех
Согреть хотелось их!
То слышу я гудки далеких станций,
То слышу я голодной птицы крик,
То слышу я шум ветра меж акаций...
Бессонной ночи
Жалобный язык!
И вдруг меня сомнение охватит,
И я встаю в волненьи,—
Как же быть...
Чтоб целый мир согреть,
Души не хватит,
А между тем
Ее должно хватить.

* * *

Поле перемечено стогами.
Далеко родимое село.
На Руси, засыпанной снегами,
Стало малолюдно и светло.
Под полозьями скрипит дорога,
Сонную тревожа благодать.
Нет над миром ни звезды, ни бога,
И пустыне некому внимать.
Встанет на обочине прохожий,
Иногда попросит табачку
И уйдет, на остальных похожий,
К тусклому жилому огоньку.
И опять потягнется равнина.
И опустит шею вороной.
И душа от холода хранима
Этим снегом, этой тишиной.

* * *

Кончилось осеннее ненастье,
Ожили озимые в земле.
Разве это не большое счастье
На Руси, забывшей о тепле?
Так светло, что о зиме не думно,
Курят, балагурят мужики.
А давно поленницы обдуло,
И пора бы им в дровяники.
Не найдешь в деревне человека,
Что хотя бы с виду был сердит.
Как начало золотого века,
Золотой денек такой стоит.
Кончилось осеннее ненастье,
Вот и перемена на земле,
Вот и снова привалило счастье
Людям, позабывшим о тепле.

Открою дверь на легкий стук:
Спасибо почте!
О друге вспомнил,
А письмо уж тут как тут!
И мир не то чтобы добрей,
А как-то проще,
Когда вокруг
Твои товарищи живут.
И если встанешь
На краю большого риска,
Они придут к тебе на помощь:
— Не беда! —
Тебе открыты их кредиты,
И прописка
Тебе открыта в доме каждого
Всегда.
Открою дверь на легкий стук:
Спасибо почте!
Она всегда письмо приносит,
Если ждешь,
И мир не то чтобы добрей,
А как-то проще
От первой строчки,
От вопроса:
— Как живешь?

* * *

Бессонницы тревожный бред,
То беспричинная забота,
То слышу — хлопнули ворота,
А выйду —
Даже следу нет.
Задумаюсь — и снова мне
Почудится знакомый шепот,

А на крыльце неясный топот,
И взоры быстрые в окне.
Мянутся тени прошлых дней,
Как серая ночная выюга.
И вдруг лицо былого друга
Воскреснет в памяти моей
Живым укором...
Что со мной?
Как будто все, кого обидел,
Сюда сошлились,
В мою обитель,
И тихо встали за спиной.
О, если б спас меня рассвет,
Но сколько было их, рассветов!
Не меньше, чем благих обетов...
И все равно покоя нет.
Приходит ночь, и в тишине
Опять знакомый слышен шепот,
И на крыльце неясный топот,
И взоры чудятся в окне...

* * *

Люблю ночной порой не зажигать огня.
Как будто сон цветной, плывут передо мною
Места родимые не в ясном свете дня —
Места родимые под белою луною.
Туман с реки, туман ползет на берега.
Не дни, а вечера пока поостывали.
Под белою луной лишь редкие стога
В тумане том едва всплывают островами,
Напоминая мне июльский сенокос,
И жадных оводов, и страх пред каждой тучей!
Но кончилась, прошла пора полночных гроз!
Ни тени на пути, пути звезды падучей...

Деревня тихо спит. Собаки даже спят
Незлобные, забыв про полые ворота...
Полночных деревень незыблемый уклад.
...А солнце где-то там дойдет до поворота —
И взгляду открывается окрест
На месте быстрой речки гниль и сырость,
На месте пахоты ольховый серый лес...
Куда и почему все кануло и скрылось?
И я задумываюсь, голову склоня...
Как будто сон цветной, плывут передо мною
Места родимые не в ясном свете дня —
Места родимые под белою луною.

* * *

Столько грязи опять и осеннего холода столько,
Что лугами и то далеко от села не уйдешь.
На осеннем костре начинает попискивать тонко,
Начинает попискивать по-комариному дождь.
По сырому жниву разбрелось беспастушное стадо.
Сплоховал сенокос: шли дожди с Петровой на Илью.
Чтобы на зиму сена у каждой хозяйки достало,
До мороза и снега коровам ходить по жниву.
И кого же не тронет осенняя эта картина,
Если ветер и дождь и ночами тускнеет жниве!
Так чиста в наготе своей, так беззащитна равнина,
Что без слез невозможно открыто взглянуть на нее!
А особенно поздними в дальней дороге ночами,
Когда слабый огонь вдруг мелькнет в осязаемой

мгле...

Можно сил почерпнуть даже в горькой осенней
печали,
Если ты на родной и пускай неуютной земле.

* * *

И снова праздник наш печален,
Да и нельзя наоборот:
Ведь мы не Новый год встречаем,
А провожаем старый год.
Ах, были шутки легкокрылы!
Но годы вороном летят,
И множат близкие могилы,
И, чую, новые сулят.
А нас и так осталось мало...
Да что тут сетовать на жизни!
Как говорил Рубцов бывало,
Коли поехал, так держись!
Нам время строгое не в диво,
Намяло шею и бока.
Оно, конечно, справедливо,
Коль время мерить на века.
Но и при шуме ветра злого,
Когда и тяжко и темно,
Пиши, мой друг, как будто слово
Тебе
Последнее
Дано.

* * *

Летит листва, легко черкает оземь.
Пришла пора туманов и дождей...
Как незаметно наступила осень
На небогатой родине моей!
Не прозевали люди,
Опростали
В корзины
Простодушные леса!

И прекратились крики за кустами,
И отпорхали птичьи голоса...
Усталая природа затихает,
И дай ей бог зимой не знать тревог!
Мой костерок неслышно затухает,
Мой костерок —
Мой теплый островок.
Трепещет пламени душа живая,
Стремясь набрать былью высоту!
И, словно жизнь свою продлить желая,
За хвостом ныряю в темноту.
Мне выедает очи дым разлуки,
Но, утирая слезы, я молчу
И так к огню протягиваю руки,
Как будто друга
Удержать хочу.

* * *

Ни звезды, ни ясна мессица,—
Костерок горит в ночи,
И бесшумно тени мечутся,
Как огромные сычи.

Слышно — рядом речка токает,
Ходит перепел в овсе,
Лошадь спутанная топает
Да катается в росе.

Ни проезжего, ни пешего —
Тишина и благодать!
Никакого больше лешего
Не желаю пожелать:

Ни звезды, ни ясна месяца...
Мне теплее на земле,
Если тени тихо мечутся,
Костерок горит во мгле.

* * *

Покрыты сплавом берега реки.
Над омутами наклонились ели,
И устилают илистые мели
Тяжелые тупые топляки,
А мы-то шли сюда издалека,
А как мы об ушице-то мечтали...
Напрасно только счасти размотали
Да натаскали дров для костерка.
И кто сказал, что рыба здесь берет?!

Пришла пора подсчитывать потери:
Повывелись доверчивые звери,
Вот так и до людей дойдет черед.
Но я сейчас живу другой бедой,—
И долгими дорожными часами
Все та река стоит перед глазами,
Как в страшной сказке, с мертвою водой.

* * *

Постой же! Погляди сюда —
Теней густые невода
От елей темных вдоль пруда
Легли, не замутили воду;
И день сошел по небосводу,
И вышла первая звезда
Светлей, приветней, чем окно,
Что другом другу зажжено
На бездорожье, где темно,

Где осень заменила лето...
Но сердцу, видимо, и это
Не все равно... не все равно...

* * *

Дрова подсохли на повети.
Речная выстыла вода.
На добром свете, белом свете
Установились холода.
Не слышно окриков людей.
Видны в окне густые гривы
Подслеповатых лошадей,
А дальше —
Желтые обрывы
Реки.
Пониже, у моста,
Деревня встала тихим чудом.
Забыты богом, но не людом
Мои равнинные места.
С утра хозяйки топят печи
И о погоде речь ведут.
Снега придут — апреля ждут,
А там до лета недалече...
И так всегда.

* * *

Грузовичок потряхивает славно!
Едва пристроюсь — снова подскочу.
Уже на шутки улыбаюсь слабо,
А сам ответно вовсе не шучу.
Наверно, бесконечен это волок!
Машина с хрипом лезет на увал,
Таких дремучих и угрюмых елок,

Признаться, я давненько не видал.
А рядом старичок ползет по тропке,
Не обернется на моторный вой!
Вспомянем тут о гоголевской тройке
И грустно покачаешь головой.
Попутчики веселые устали,
Поистошили шуточек запас.
Не отступают перед нами дали,
А наступают, кажется, на нас.
Из лужи в лужу новую ныряя,
Глядим вперед за каждый поворот
С надеждою, что путь и не родная,
Но все-таки деревня промелькнет.

* * *

Звезда протаяла
Меж облаками.
Минувший день,
Как ветром, отнесло.
Но над озерами,
Над волоками
Стоит тепло,
Вечернее тепло.
Глухими парками,
Потом лугами
Пойду один
Неведомо куда,
Пускай ромашки
Светят под ногами,
Пускай горит
Над головой звезда.
Пускай тропа моя
Течет все дальше
И не дает

Нигде передохнуть...
Такая тиши!
И мне отрадно даже,
Что предстоит еще
Обратный путь.

* * *

А. Грязеву

Во мглу и дождь погружена округа.
Прекраснее погоды не найдешь!
Такой порою не дождешься друга,
Не тянут ни река,
Ни зелень луга...
Шуршит, шуршит по низкой крыше дождь
И размывает времени границы.
Мне снова мил осточертевший труд —
Листать и править желтые страницы;
И годы мои прежние, как птицы,
Издалека мне голос подают.
Хочу поймать мгновенье в сети строчек,
Хочу его подольше удержать!
Так мотылька — трепещущий комочек —
Дитя поймет в жаркий кулачочек
И пальцы так сожмет, что не разжать.

* * *

Ночь онемела здесь, над полем,
И звезды августа летят,
И Фет читается запоем,
И человек покою рад.
Любимой не спугнет страницы,
Не сдвинет с тишины засов

Сергей Чухин

Ни дальний свет большой столицы,
Ни ровный ход стенных часов.
И все, что было днем забыто
И навсегда погребено,
Летит свободно и открыто
На растворенное окно.

* * *

Шоссе районного значенья —
Арена нашего мученья.
Плытем по озеру всю ночь,
Ревет редакционный «газик»,
И мы — эх, разик, еще разик! —
Ему пытаемся помочь.

Нам не проехать этим трактом.
Одно спасенье — если б трактор...
И всяк дороженьку клянет.
Опять, опять сидим в кювете!
Фуфайку, ругань, все на свете
Шофер под колесо кладет.

Ах, наконец-то мы в деревне!
Спасибо деду за доверье —
Прекрасней печки места нет!
Шофер во сне куда-то едет,
Шофер во сне о чем-то бредит,
Пока не свалится в кювет...

* * *

Долга ты, деревенская зима!
Твои морозы и ветра суровы.

Но что найдешь приятней для ума,
Чем погрузиться в старые тома,
Как погрузился домик мой в сугробы?
И не страшит безмолвие ночи!
Работается и легко, и споро.
Все радует: живой огонь свечи,
И мягкое дыханье печи,
И даже то, что ночь пройдет нескоро.
Но сколько б дум на сердце ни легло
И как бы их перо ни отмечало,
А утром встанешь: «Боже, как мело!
Белым-белым вокруг, белым-белом...»
И это значит — все начни сначала.

* * *

И вот пришла пора грибная!
Отныне, отдыха не зная,
Березняком да сосняком
С кориною да посошком,
Как мирный леший, без пути
Иду — абы куда идти.
Да что же! Ведь и это счастье:
Лес тихий, теплое ненастье...
Скрипит в руке перевесло —
И человека понесло!
И вот я бью челом грибу,
Благодаря свою судьбу.
Уколы ласковые хвои
Меня спасут от всякой хвори.
Иду по чаще, прямиком;
Лес — мне, а лесу я знаком.
И мне денек порою мал...
Что значит — плохо-то живал...

* * *

Вода затопила кюветы.
Дороги в грязи густой.
И не прикочуют конверты,
Подписанные тобой.
Болота, болота, болота...
Кустарник, река, сухостой.
Для птиц — полтора перелета,
Для почты неделя с лихвой.
Возьму у соседа дворягу,
Ружье заряжу и опять
Пойду на вечернюю тягу
Не птиц, а часы убивать.
Но под комариное пенёвье
Среди бесконечных болот
Никак не приходит забвенье,
Да, видимо, и не придет.

* * *

Работай, друг мой,
Душою чист,
Один проходи
Науку.
По праву руку —
Бумаги лист,
И сердце —
По леву руку.
Но легче будет писать
Вдвоем,
Если,
Навек условясь,
Рядом с тобою —
Поводырем

Незамутненная
Совесть.
А трудно станет
В пургу и свист,
Поделят поровну
Муку:
По праву руку —
Бумаги лист
И сердце —
По леву руку.

* * *

Сомкну глаза — и, словно наяву,
Проходишь предо мной, легко одета,
Привет последний и улыбка лета,
И расплетаешь мягкую траву.
Сомкну глаза — и вновь тебя зову,
Любимую! Зову — и нет ответа.

Неистребима память о тебе.
Она жива и в парке том тенистом,
Где мрак пронизан щебетом и свистом;
Где милый шепот слышится в листве;
И в поле том, ромашковом и чистом;
В моей, давно неприбранной судьбе.

Спушусь к реке тропинкой от села,
Надеясь тайно на чудесный случай
Тебя увидеть вновь под белой кручей —
Слuchaются же дивные дела!

Но остывает камень бел-горючий,
Где только что Аленушка была.

* * *

В. Сергееву

Брали ягоду, рыбачили,
Чай варили на костре.
Жить, по сути, только начали,
Глядь — и осень на дворе.
Частый дождик хорохорится
Все залить в один присест.
А, представь себе, не хочется
Уезжать из этих мест.
Лес, пока кормил морошкою,
Был нам дорог, как никто.
А теперь дружка хорошего
Так и бросим без пальто?
Речка потчевала рыбью,
Словно ласковая мать.
А теперь сказать спасибо ей
Да и удоочки смотреть?
Разве бросишь друга в горести,
В непогоду, в черный час?
Это было б не по совести.
Не в обычاء у нас.

* * *

Без заботы жилось, без печали,
Все безоблачно было в судьбе.
Нам другие порою прощали
То, чего не прощали себе:
И забытое слово привета,
И забытую скорбную дверь,
Письма срочные без ответа...
А теперь, а теперь, а теперь
Что за голову браться руками,

Все не исправишь наверняка...
Обнажает подводные камни
Жизни тающая река.

* * *

Да, подошли такие годы,—
Стою на новом рубеже.
Еще слежу за сменой моды,
Друзья — бессменные уже.
Еще, с противниками споря,
Взрываюсь! — но на краткий миг...
Взрослеют все-таки от горя,
Не от дебатов или книг.
И я, на сердце чуя стужу,
Не ожидая ясных дней,
Морозом выжатую душу
Оттаиваю меж друзей,
Где пополам у нас, как прежде,
Беда, одежда и еда.
Опять, искрясь, горит надежда,
Как в черной проруби звезда.
И счастья будущего всходы
В душе проклонулись уже...
Да, подошли такие годы,—
Стою на новом рубеже.

* * *

Привык ничего не бояться,
Теперь же уверился сам:
Чем людям иным доверяться,
Так лучше довериться снам.

У нас продубленные шкуры,
Но там не возьмешь кулаком,
Где только широкой натуры
И ждут-поджидают тайком.
Похвальна привычка к размаху,
Но правда в пословице есть:
«Не бойся, дружок, за рубаху,
А бойся за совесть и честь».
Усваивай эти понятия,
Живи и здоровайся так,
Чтоб в руку тебе при пожатии
Не положили пятак.

* * *

Бабочка уснула за окном.
Может быть, и мы дела забросим?
Милая, давай-ка отдохнем,
Самовар поставим... Что нам в том,
Что отныне наступила осень.

Что нам в том, что отошли цветы,
И скворцы про нас забыли дружно,
От гостей все комнаты пусты...
Двое нас осталось — я и ты.
Мне для счастья большего не нужно.

Ничего, что крутит ветровой
И листвой засыпана терраса.
Глянь же на меня повеселей!

Что же ты молчишь, мой соловей?
Не в отлет ли тоже собралася?

* * *

Сосновый лес —
Без края и конца.
Угрюмый край —
Ни огонька, ни звука.
И только месяц
Смотрит в пол-лица
На то крыльцо,
Где началась разлука.
И только месяц
Смотрит в пол-лица,
И только я
Гляжу вполоборота
На домик тот,
Где нынче у крыльца
Пришли ко мне
Тревога и забота.
Прощай, прощай!
Наверно, спиши уже...
На столике
Разложены заколки.
А у меня тревожно на душе,
Как будто рядом где-то
Рыщут волки.
Прощай, прощай...
Предчувствия томят!
Все на разлуку вечную похоже...
И твой ночной,
И твой недолгий взгляд
Припомнися —
Мороз прошел по коже.
С деревьев летит
Неслышная пыльца,
А сердце замирает —
Просто мука!
И только месяц

Смотрит в пол-лица
На то крыльцо,
Где началась разлука.

* * *

Уходят последние льдины,
Тонеют, темнеют они.
Как, помнится, были любимы
Вот эти предмайские дни!
Как весело было на воле,
Особенно нам, ребятне!
И лес, и речонка, и поле
В сиреневом плыли огне.
Но, видно, минувшие годы
Разбили краску в крови:
Все глупше для нас ледоходы,
Все реже для нас соловьи.
Застойные реки не льются,
Болотам и клюкве конец.
И ласточки что-то не выются
У наших богатых крылец.
Мы многое в жизни умеем,
Но не понимаем подчас,
Что с реками вместе мелеют
И души, и мысли у нас.
Вослед упывающим льдинам
— Спасибо! — кричу, повторя,
Что все же не хлебом единым
Жива и душа и земля.

* * *

И до скромного юбилея
Очень трудно дожить, не болея.

Вот и я заболел, да некстати —
Разве можно валяться в кровати,
Если все зацвело и запело,
Принялись даже птахи за дело,
Трясогузка, наверное, лед
Перламутровым хвостиком бьет?..
Нет, не стану валяться в постели,
И пилиоли уже надоели!
Говорят, что нужен покой,
Но — поймите же! — не такой,
А покой на горе, у реки,
Там, где льдины — вперегонки.
Исцеленье доверить хочу.
Птицам, солнечному лучу.
Даже травка встает на лугу.
Я ль не встану, я ль не смогу?

* * *

Осенняя заря, заря глубокая
Горит и гаснет через полчаса.
И только птака, птака одинокая
Пустынныне пронзает небеса.
Ни шороха, ни звука постороннего,
И летние туманы отцевли...
А сколько гроз высоких похоронено
Здесь, под напластованьями земли!
А сколько вдоль дороги пораскидано
И строгих дум, и песен без вина...
Чего родной землей не перевидано,
Чего не пересышала она!
Чего не повидали эти поженки,
Где ивняки толпятся по краям,
Где нежно прилегают подорожники
К неизлечимым рваным колеям.

Но говорить о прожитом не хватит ли?
 Порой колюча память, как живьё.
 И разве сын напомнит старой матери
 О возрасте и хвости её?
 Усталая, безмолвная, ранимая,
 Пусть отдохнет земля моя, пока
 Вечерняя заря, заря равнинная
 Свой бледный отблеск шлет на облака.

* * *

A. Романову

Опять, робея, ухожу под липы,
 Где гуще мрак при первой же звезде.
 И снова слышу шорохи и всхлипы,
 Как, впрочем, бы услышал их везде,
 Где б ни остановился в эту пору.
 Вдруг вскрикнет птица, страхом пронята!
 Но и звериному едва ль доступна взору
 Такая ножевая темнота.
 О чем в ночи бормочет старый сад?
 Какие заклинанья вспоминает?
 Все те же ли, что сотни лет назад,
 Куда людской не проникает взгляд?
 Хочу я знать, чего никто не знает.
 О чем над нами шепчутся листы
 И так согласно, не по-человечьи?
 О как бы я хотел перевести
 Все шорохи осенней темноты
 На человечье косное наречье!
 Как странен свет надмирного огня!
 Ночное дерево вдруг надо мной вздыхает...
 Не поняло ли, старое, меня?
 Хочу я знать, чего никто не знает.

* * *

Передо мною
 Чистая страница,
 Но не свяжу в волнении
 Двух слов.
 Давно все спят,
 И только мне не спится:
 Мой час настал —
 И это ноль часов.
 Едва глаза,
 Как чуткий зверь, прикрою,
 Опять угрюм
 Встаю из-за стола.
 Да,
 Черный день сегодня прожит мною...
 Так, может, ночка
 Выпадет светла?
 В который раз
 Испытываю муку,
 Кляну себя
 Во слабости своей,
 Что снова
 Не тому я подал руку,
 Кто в этот миг
 Нуждался, может, в ней.
 Не надо встреч
 С ветхозаветным адом,
 Довольно вспомнить
 О минувшем дне...
 Мне показалось,
 Промелькнули рядом
 Твои глаза
 В автобусном окне,
 Они глядели
 С тайной укоризной...

И вспомнил я
 Забытый мною кров!
 И снова день
 Заканчиваю тризной,
 Заканчиваю тризной
 В ноль часов.
 Мне жизнь не льет
 За воротник елею!
 Но, подчиняясь здравому уму,
 Я на ошибках собственных
 Взрослею,
 Чужие
 Не научат ничему.
 Дневная
 Перевернута страница,
 Мрак заоконный
 Исчерна-лилов.
 Давно все спят,
 И только мне не спится:
 Мне дальше жить —
 И жить с ноля часов.

* * *

Люди вынули зимние рамы.
 Нету сна никому от грачей.
 И, наверное, дома у мамы
 Под порожек пробился ручей.
 И, наверное, маме не спится,
 Ночь подходит уже под конец...
 Если спится, то что же ей снится?
 Хорошо б, не покойник отец,
 Хорошо б, не беспутные дети...
 Одного только хочется мне,
 Чтоб подумалось ей на рассвете

О грядущем сегодня письме,
 Чтобы не было ей одиноко.
 И, участие к ней сохраня,
 Я хочу, чтоб у маминых окон
 Кто-нибудь постоял за меня.
 Дорогая моя, золотая,
 Были б крылья — к тебе прилетел
 Вслед за этой гречиною стаей
 От бессонниц, от книжек и дел.
 Но не в слове тебе утешенье...
 Надо просто приехать, обнять,
 И попробовать с чаем варенье,
 Двор весенний расчистить опять.
 Как бы птицы тогда ни кричали —
 Сны бы светлые жили в избе...
 А пока — мне не спится ночами...
 Как-то, милая, спится тебе?

* * *

Мне тяжело,
 Когда, верно привычке,
 Вокруг снует
 Холодное жулье
 И подбирает
 Разные отмычки
 К моей душе,
 Чтобы взломать ее.
 Мне тяжело,
 И я спешу забыться
 В кругу друзей,
 Под сенью чьих-то крыш.
 Мне тяжело,
 И я спешу забыться
 В лесную глушь

И полевую тишину.
 Мне тяжело,
 Я головой качаю,
 Когда, домой придя
 Издалека,
 Все реже я
 У милой замечаю
 Улыбку,
 Словно вспышку маяка.
 Мне тяжело,
 И я спешу на волю
 С единственным желанием —
 Скорей!
 Как птица к небу
 И как пахарь к полю,
 Так я
 Привязан к родине своей.
 И не бывает
 Счастья в одиночку,
 Куда бы за ним
 Ни ехал далеко.
 Пора смириться
 И поставить точку:
 Мне тяжело...
 Ну а кому легко?

* * *

Ах, опять на равнинах безбрежных,
 Посмотри, как пошли и пошли
 Пузырьки одуванчиков нежных
 Из глубин изумрудной земли.
 И затейливей северных кружев,
 И причудливей сказки иной
 Золотистым узором калужниц

Оторочены речки весной.
 На полянке, средь птичьего крика,
 Не научена счастье скрывать,
 Пятикрыло цветет земляника
 И готовится ягодой стать.
 Разве хватит обычного сердца,
 Чтобы выдержать ласковый взгляд?
 Голубыми глазами младенца
 Нам вослед незабудки глядят.
 И султанами пышно качая
 На густом предосеннем ветру,
 Зоревые цветы иван-чая
 Подожгли на осинах листву.
 Это все нам не даром дается:
 И луга, и святые цветы...
 Это все, что в России зовется
 Человеческим счастьем!
 И ты
 Поброди по лугам и полянам,
 Полежи у земли на груди,
 И не тешься обычным обманом,
 Будто лучший твой день впереди.
 Может, жизненный путь завершая
 (Хоть и долгих желаю годков),
 Не захочешь ни ада, ни рая,
 А холщовых
 Во ржи
 Васильков.

* * *

Полжизни прожил,
 Не умея жить.
 Со мной всегда
 Семь пятниц на неделе!

Мне предлагаю
Опыт одолжить
Те, что имеют опыт
В этом деле.
Один
Ходить умеет по кривой,
Другой
Полезные знакомства копит...
Но как непросто
Быть самим собой,
Перенимая
Столь холодный опыт.
Запоминаю,
слушаю,
молчу.
Хотя наука
Туго поддается.
А сам
Людей чему я научу,
Коль буду пить
Из всякого колодца?
Живая жизнь —
Она не такова!
Она вольна,
Как заовинный ветер!
А опыт виснет,
Словно жернова,
На шее тех,
Кто знает все на свете.
Да и чего
С меня, конечно, взять?
Мне этот опыт
Тягостен и скучен.
Пойду-ка я
Куда-нибудь гулять,
Всему учен,
Но не всему научен.

* * *

Качнулись под крылом деревья/
И вот назад, назад пошли.
И ты от жизни повседневной
Оторван вдруг, как от земли.
Глядишь на все заботы немо.
Сгори они и пропади!
Сейчас с тобою только небо
И осень, осень впереди
С ее красою невеликой,
С неярким солнышком в лесу,
С ее грибами и брусликой,
И удочкою на весу.
И там, у тихого теченья,
В зубах травинку теребя,
Ты не ищи ни в чем значенья,
Ищи себя, ищи себя...

* * *

Лепечет дождь
В открытое окно,
Что прокатилось,
Кончилось веселье
И превратилось
Летнее вино
В ненастное
Осеннее похмелье.
Деревья
С непокрытой головой
В мое окно
Заглядывают снова.
И мир живой,
Верней — полуживой
Зовет меня к себе,

Полуживого.
Надену плащ
И кепку натяну,
И с крохотной
Надеждой на спасенье
Уеду в бор
И встану под сосну,
Как верующий
Под благословенье.
Да,
В мире все живут своей бедой —
Открытие,
Что сделано не нами.
Лесные раны
Залиты смолой,
Людские раны
Залиты слезами.
И даже здесь,
В протяжной тишине,
Осевший на брусничники
И хвою,
Деревьев дрожь
Напоминает мне
О ветре
Над мою головою...

* * *

Г. Горбовскому

Подвигаюсь к вечному порогу.
До чего ж не хочется идти!
Только как забыть про ту дорогу
Или сбиться где-нибудь в пути?
Постою у теплых сосен сада,

Он полдневной напоен смолой.
Постою... А ведь идти-то надо.
До свиданья, друг столетний мой!
Посмотрю на голубую иву.
Солнце ей оплавило края!
Чтобы раньше подивиться диву...
До свиданья, милая моя.
Реченька родная, до свиданья!
Я не ставил невода по дну.
Может быть, водицы на прощанье
Мне наплещешь пригоршню одну?
Так я все люблю! И даже жутко,
Что в последний раз отметит взгляд,
Как в сырой канаве незабудки
Рядом с маргаритками стоят.
И всему земному мирозданию,
Где цветет и золотится май,
Каждый день шепчу я: «До свиданья...»
Каждый день боюсь сказать: «Прощай...»

* * *

В. Горынцеву

Темна осенняя вода.
Пусты осенние боры.
Никто не ставит невода.
Никто не правит топоры.
Лишь перекликнутся — «Ay!» —
Нахолленные грибники.
Но сколь ни вороши траву,
А отошли боровики.
Что говорить — боровики...
Взгляни на ближнее село:
Его гулянья у реки,

Костры, нарядные платки,
Ну, словом, красные деньки —
Все миновало, отошло.
Придет угрюмая зима,
Когда не выйдешь из ворот.
По брови занесет дома,
С ума метелями сведет.
И пусть уже пусты боры,
И пусть вода в реке темна,
Однако с утренней поры
Уйду из дома допоздна.
И пусть последний окунек
Продлит на миг, еще на миг
Осенний срок, последний срок.

* * *

И хотел бы в деревню родную,
Да пустили ее на распил.
И хотел бы запеть удалую,
Да старинный мотив позабыл.
Голо все, словно после набега
Золотой зачумленной орды.
Лишь былинка торчит из-под снега
Там, где прежде стояли сады.
Только ветер гуляет над полем,
Закатившийся в наши края.
Он, конечно, судьбою доволен,
Бездомовный, как, впрочем, и я.
Мне бы тоже за ветром умчаться,
Бросить эти края — и умчать!
Чем былинкой над снегом качаться,
Чем пеньком на дороге торчать.
Только сердце навеки пристыло

К той земле, что магниту сродни,
Где и летом нечасто гостило
Красно солнце в холодные дни,
Где теперь заметает дороги —
Скоро будет совсем не пройти! —
И откуда застывшие ноги
Все не могут меня унести...

* * *

Ах, милая моя! Да я бы,
Будь рыцарем — не мужиком,
То посвящал тебе не ямы,
Жизнь посвятил бы целиком.

Однако жизнь такая штука,
Ее на все хватить должно:
Работа, заседанья, скука,
Друзья, приятели, вино.

Моя нескромная особа
Немного б стоила, когда
Не эта каторга до гроба
Порою сладкого труда.

Но вижу — ты уже в обиде,
Что я не безраздельно твой,
И даже в неспортивном виде
Являюсь иногда домой.

Не ахаю, а что тут ахать!
И ты не ахай — поостынь!
Конечно, жизнь моя не сахар,
А без тебя была б — полынь.

И потому давай не будем
Корить друг друга напоказ
И делать жизнь веселой людям,
Которым весело без нас.

* * *

От снов о тебе и бессонниц
Избавлюсь,— наступит же срок!
Достаточно я из оконец
Высматривал синий платок.
На память наложено вето,
Но трудно с ней сладить, когда
Приходит июньское лето,
Спадает большая вода.
И снова ко мне на ступени
Ложатся, прохлады полны,
Полудня чеканные тени,
Пущистые тени луны.
И песня рассветная птихи,
Столь нежная, прежняя столь,
Приносит неясные страхи,
И слово, и слезы, и боль.
В такие часы я не знаю,
Зачем на реку ухожу
И на воду ветви бросаю,
И вниз по теченью гляжу...

* * *

Здесь ты жила. Вот здесь росли цветы,
Где нынче лебеда с чертоплохом.
Я часто вспоминал наш дом со вздохом
И наши ночи вспоминал...
А ты?

Вернулся я. Лишь галка на трубе
Меня своим приветствовала криком.
И в этом запустении великим
Особо стало вдруг не по себе.
Сиреневые тощие кусты...
Давно ль, давно ль, полны красы и силы,
Такие гроздья к окнам подносили,
Что я пьянял от запаха!
А ты?
Да и зачем мне душу бередить
И в комнаты входить совсем нагие?
Дом спит в какой-то странной летаргии,
Мне одному его не разбудить.
Зато проснулись прежние мечты,
Те, что, казалось, в сердце потонули.
Давно, давно они меня тянули
Сюда прийти! И я пришел...
А ты?

* * *

Ушла жена от мужика.
Встречаются молодки!
И вот один,
И вот тоска,
И вот бутылка водки.
Потом пошел трясти деньгой
Направо и налево.
Он бабы не хотел другой,
Его
Святое дело.
Потом покинул свой приют,
Ища приюта в мире,
Когда уже в глаза плюют
Соседи по квартире.

А он угрюм,
А он молчит,
Потухла папироса.
Лишь субъильникам ворчит:
«С откоса
Так с откоса...»
И что ему двадцатый век,
Печатная бумага!
Вот погибает человек,
Обычный работяга.
И как помочь?
И чем помочь?
Он допивает водку
И тяжело уходит в ночь
Поспать
В чужую лодку.
Он спит там
Или же не спит,
Кто в этом разберется?
Дрожит звезда его,
Дрожит,
Того гляди
Сорвется...

* * *

Над рекой слоистые туманы.
Катер часто подает гудки
Лодочки качаются за нами,
Доньями скребутся о пески.
Близкою черемухою тянет...
Берег милый, родина моя!
Соловей раскатится — и станет...
Слышу только сердце соловья.
Птаха ведь, а тоже просит ласки

И от самой малой входит в дрожь.
И стоишь, мужик, и веришь в сказки,
Что на первой пристани сойдешь.
Но едва причаливает катер,
Блажи той уже в помине нет.
Лучше не смотреть на дебаркадер —
До конечной пристани билет.

* * *

Опять взошла, взошла звезда вечерняя
И под крыло взяла мои края.
До станции какого назначения
Летит без остановки жизнь моя?
Друзья мои, до шуток ли, до смеха ли?
Подсчитывать пора — и не рубли...
Учебники прошли и жизнь — проехали,
Так что же мы в итоге привезли?
В пыли дорожной годы наши таяли,
И без ответа на устах немых:
Когда и где нас девушки оставили?
Когда и где мы оставляли их?
С какой поры отстали песни бойкие,
С какой поры негромкие поем,
И жесткими довольствуемся койками,
И малым согреваемся теплом?
С какой поры над этими равнинами,
Как жаворонок, плещется душа,
Над этими сырьими яровинами,
Над этим костерком у шалаша?
Забылися былье потрясения,
Но пред глазами все стоит ольха,
Что рада бы от паводка весеннего
Чуть отступить, подальше от греха.
Она стоит у самого течения,

Ей моет корни чистая струя.
И всходит над ольхой звезда вечерняя
И под крыло берет мои края.

* * *

Снова на родимой стороне.
Снова я у мамы, да у печки,
Да в лесу, да в поле, да на речке...
Больше ничего не надо мне.
Разве окунешек на уху
Да грибов каких-нибудь десяток.
Каждому скажу как на духу —
Вот и весь и хлеб мой и достаток.
Снова тропы старые торю,
Молодые годы вспоминаю
С ощущеньем жизни на kraю,
И не видно ни конца ни kraю...

* * *

Такое дождливое лето,
Какого не помнят давно:
Ни солнышком не обогрето,
Ни ягодою не красно.

Одно остается — работа,
Всегда остается одно.
Забудешься — и неохота
Глядеть понапрасну в окно.

С вестями не ждешь почтальона,
Какой по дождю почтальон!
А песня дождя монотонна,
Наводит на дрему и сон.

Притихли деревня и поле.
Мир холоден, черен и гол.
Какой-нибудь пьяница, что ли,
По улице с песней прошел!

И странное чувство такое
Преследует душу, как бред:
Среди тишины и покоя
Как раз вот покоя и нет.

ХУДОЖНИКУ МИХАИЛУ БРАГИНУ

Ах, эта жизнь — гори она огнем!
Давай, мой друг, махнем куда попало,
Давай вдвоем немного отдохнем...
Мы столько были под людским судом,
Что вышнего бояться не пристало.
Да только ли в багетах золотых
Возможно счастье? Нет, оно повсюду:
Меж елей, темнотою налитых,
В морозах, что захватывают дых,
В любом цветке, уже подобном чуду.
Поехали! Не все ли нам равно...
Куда-нибудь в деревню, недалече,
Где не горчит, а радует вино,
Где не гремят под вечер в домино,
Где умных лиц не делают при встрече.
Осточертели вечные ханжи,
Что взглядами, как банными листами,
Картины облепили, витражи;
И облепили слово ржавью лжи;
И преуспели в том, и не устали.
А мы от них давай передохнем
Да примемся за старую работу —
Смешаем ночь с быстробегущим днем

И за рога судьбу свою возьмем,
Не погрешив в работе ни на йоту.
Пускай вслед нам слухи заснут,
И каждый будет сплетней приукрашен;
Пускай ханжи нам суд произнесут...
Мы столько раз судимы были тут,
Что божий суд — и то уже не страшен.

* * *

И перед начальством не робею,
И вокруг надежные друзья,
И живу неплохо, как умею...
Только много ли умею я?

И от этой мысли снова сумять
Залетают в душу, как в окно...
Хорошо, коль есть над чем подумать,
Это ведь не каждому дано.

* * *

Днем солнца нет, а ночью нет луны.
И желтая под фонарями выюга.
Давно не слышно голоса жены,
Давно не видно весточки от друга.

Ты хочешь снова света и тепла?
Тебе уже одной работы мало?
Но жизнь такая у тебя была...
Чего же в ней тебе не доставало?

Не этой ли кромешной кутерьмы,
Чей свист порой закладывает уши...
Куда причудам матушки-зимы
До тех, что позволяют наши души!

Бессонницей глаза воспалены,
И жизнь в тебе,
Как тонкая рябина.
А кто-то смотрит там, со стороны:
Февраль...
Метель...
Обычная картина.

* * *

Душа, словно птица, пуглива.
Не целые дни напролет,
А вечером здесь, у обрыва,
Короткое время поет.
Единственно, бедная, рада,
Забыв про еду и питье,
Что скрыто от жадного взгляда
Гнездо потайное ее.
Шумят над землею березы,
Сентябрьский предчувствуют дождь.
И копятся, копятся слезы,
А плачешь — и, значит, живешь.
Душа потому и пуглива,
Что тайно и трудно живет,
Но вечером здесь, у обрыва,
Короткое время поет.

* * *

Открыта новая орбита!
 ЭТАП! Неслыханно! Успех!
 И прессы сызнова забита
 Портретами героев, тех,
 Что там, над нами,
 пролетают
 Архангелами во плоти...
 Им биографии латают,
 Куда попутно прилепляют
 Невероятное почти...
 Салют сияет над столицей!
 Сегодня всякий дворник
 пьян!
 Но сей блестательной
 страницей
 Не завершается роман.
 Закон земного притяженья
 И мысли привязал к земле.
 Того романа продолженье
 Уже не там, в небесной
 мгле,
 А здесь, где воспевали
 негу
 Поэты прошлого, и где
 Старухи вяжут лен
 по снегу,
 Рывками тянет конь телегу,
 А та гремит по борозде.
 Как все прекрасно
 начиналось!
 Поди-ка, дедов поспроси,
 Когда оружие ковалось
 На голубую кровь Руси!
 Мятеж! И кровью
 просолило

О, Русь, поля твои. Потом
 Нам благоденствие сулило
 Слиянье Молота с Серпом!
 Тут не до мировой
 любви —
 Довольно зреши! Хлеба!
 Хлеба!
 Но прежде фабрики
 до неба
 Взнеслись, как храмы на
 крови.
 Года тридцатые... И вновь,
 Чтоб делу быть прочнее
 прочих,
 Под ним струилась кровь
 рабочих,
 Поэтов праведная кровь...
 Встречая праздничный
 салют
 И трезвым взором
 отмечая,
 Какие тосты ныне пьют,
 Кому елей за ворот лют,
 Не в силах выдержать
 молчанья!
 О, Родина! Куда идешь?
 Идешь без кормчего,
 без веры?
 Какую цену назовешь
 Во искупленье этой
 скверны?
 Неужто милая земля
 Насущный хлеб родить
 устала,
 И существует только для

Правительственного
пьедестала?
Неужто нету силы той,
Которая без разговору
Перечеркнет прямой
чертой
Бюрократическую свору!
Пойти в поля, пойти туда,
Где бабы вяжут лен
по снегу,
Пойти по выбитому следу
Покоя, тишины, труда?
Но нет! Легко ли,
не легко ли
Живи, страстями обуян!
Быть может, эта капля
крови
Да переполнит океан!

* * *

Уют деревенского крова:
Лежим на просторной печи,
И только за стенкой корова
Протяжно вздыхает в ночи.
И только гудок парохода
Пронзает ненастные сны,
И ветром шумит непогода
И пену сбивает с волны.
Но стены смолистые эти
Да печки жилое тепло
Душе говорят, что на свете
Не все с непогодой прошло.
И друга живое дыханье,
И близкий на окнах рассвет

Упрямо диктуют сознанию,
Что жизнь не окончена, нет!
Что тучи умчатся за ветром,
И выяснит дали мороз,
И выпадет первым приветом
Снег, ясноколючий до слез.
Ведь радости не неминути,
Как вот неминути пока
И эти простынившие тучи,
И хриплая нота гудка...

* * *

Среди берез, на берегу реки,
Лужайки каблуками выбивая,
Опустошают местные ларьки,
Среди берез, на берегу реки
Гуляет праздник, устали не зная.
Улыбкой доброй выгнута гармонь.
А гармонист басами все, басами!
И ноги в такт притопывают сами,
И люди, словно ночью на огонь,
Идут на ошалелую гармонь,
И пляшет дед с намокшими усами.
Пускай попляшет! Разве это грех
Народу отдохнуть перед страдою,
Пред пылью сенокосною седою?
Пускай народ гуляет без помех
И даже выпьет! Разве это грех
Такой веселой праздничной порою?
Среди берез, на берегу реки
За песней песня да за словом слово —
И даже крики! Что же тут такого? —
Поспорили немного мужики...
Среди берез, на берегу реки,

Здесь ничего не может быть плохого.
Здесь девушки плетут себе венки,
Ромашки и купальницы срывают.
А малые ребята затевают
Бежать куда-то наперегонки...
И облака проходят высоки
И солнца ни на миг не застилают.

* * *

Далекие прощальные зарницы —
То лета уходящего привет...
Над гнездами остуженными птицы
Вчера кружились, а сегодня нет.
Как поглядишь на скошенное поле
Да как примеришь к собственной судьбе! —
И побредешь к соседу поневоле,
Так сделается вдруг не по себе.
За куревом завяжется беседа,
Но говорим несложно, как всегда:
— Пожалуй, до весны не хватит сена...
— Ох, рано задожило ныне...
— Да...
И замолкаем, словно виноваты,
И хмуро смотрим в щели половиц...
Людей сближают общие утраты,
Как холода сбивают в стаи птиц.

* * *

Замечаешь, наше лето стало краше.
Даже ночи стали краше над селом.
Завтра встанем и потопаем пораньше
По малинникам скрипеть перевеслом.
Постарее поищи сегодня платье,

Утром — только засветает — разбужу.
Проведу тебя и пустошью и гатью,
Не устанешь — и на вырубки свожу.
Там, на вырубках, не выбрана малина,
Вся тяжелая и темная подряд.
Только б головы малина не сморила,
От малины очень головы болят.
Видишь, неба потемнела половина,
А закатная присела полоса.
Надо спать. Пускай приснятся и малина,
И другие остальные чудеса.

* * *

За воротник росой кропило.
Часовенки чернела тень.
Признаться, страшновато было
Ломать на кладбище сирень.
Она угарная стояла,
Покачиваясь в тишине,
Цветами белыми сгорала
И обжигала руки мне.
А я, немного вороватый,
Ломал ее совсем не зря,
Влюбленный и невиноватый,
Что там ломаю, где нельзя.

* * *

Нарву цветов у старой школы,
Проникнув тихо в палисад.
Хотя и так уж клумбы голы
Стараньем тутовых ребят.
За сотню метров огибая

Все замечающих старух,
У дранью крытого сарая
Переведу спокойно дух.
Предвида разные вопросы,
В уме ответы затвержу.
На дымные седые росы,
Поеживаясь, погляжу.
И вдруг припомню, как четыре,
А может, пять годов назад
Все так же дергачи частили,
Как и теперь они частят.
И так же холодило дали,
И так же рядышком со мной
Цветы поникшие лежали,
Но сорванные для другой.

* * *

Язык любви, язык цветов,
Забытый людом,
Он, словно легкий шум шагов,
Когда ты ждешь и ждать готов,—
Зовется чудом.
Моя любимая, постой,
Здесь все нам радо.
Войдем же в этот парк пустой,
И здесь на лавочке простой
Спешить не надо.
Пускай проходят облака
В вечернем свете.
На миг да будет жизнь легка,
Светла, чиста, как жизнь цветка
В твоем букете.

* * *

Недалекой бедою грозят лиловатые тучи.
Сводит низкие брови во гневе глухом
небосвод.
А дорога все круче, а дорога все круче
и круче,
Даже скаты дымятся, когда пробуксовка идет.
И река, и леса, и цветастая даль сенокоса
Будут вечно со мной и мое не забудут лицо.
Только ты, только ты, синеглаза и русоволоса,
Не простилась со мной и не вышла за мной
на крыльцо.
Как теперь поглядишься в знакомый ручей
родниковый?
Не остынет лица ослабевшая в лето струя.
Надевай же платок, кем-то за полночь
даренный, новый,
В нем тебя не узнат, не узнал бы, конечно, и я.
Как теперь ты пройдешь по заросшим
черемухой склонам,
Там, где эхо мое еще плавает между ветвей.
Если речь о судьбе, как о чем-то
предопределеннном,
То предвижу свою и уже не предвижу твоей.
Что стулить теперь от бессонниц усталые плечи,
Здесь в чужой стороне не наткнусь
на приветливый взгляд.
Позади перевал. А под гору, конечно же, легче
Мне с шофером лететь, не оглядываясь назад.

* * *

Зима глубокая стояла.
Снега за окнами несло.
А печь гудела и стреляла,

И было тихо и тепло.
 И только бой часов старинный
 Кота дремотного будил,
 И вечер зимний, вечер длинный
 В ночь милую переходил.
 И все спешило жизнью тайной
 Пожить, пока не рассвело,
 И только ставен стук случайный
 Откатывался за село...

* * *

И наша не хуже эпоха
 Иных, отзвеневших эпох.
 Случалось, живали без вздоха
 И перепадало под вздох.
 Случалось, на праздниках пляшем,
 Полынны песни поем,
 А то на коровушках пашем,
 На танки с винтовками прем.
 Летим над Землею в ракете,
 Меняя лицо деревень..
 За прошлое тоже в ответе,
 Не только за будущий день.
 Историю выучив в школе,
 Мы поняли — слава одна
 У тех, что на Марсовом поле,
 С солдатами Бородина.
 И, помня былого уроки,
 Над Родиной солнце и дым,
 Мы чистые наши истоки
 Мутить никому не дадим.
 Корежим, и строим, и пашем,
 Безмерны в труде и любви.
 И силушка дедичей наших

Гуляет по нашей крови.
 Написано если на доле,
 Ответим своей головой
 За каждое русское поле,
 За молот и серп полевой.

* * *

Дождь полуночный, дождь колыбельный...
 Оттого-то дожди хороши,
 Что на палубе нет корабельной
 Ни одной подгулявшей души.
 Не заводят «Амурские волны»,
 И забортные еле слышны.
 Захотелось не хлеба, а воли,
 Одиночества и тишины.
 Разве радости этой не стою?
 И попробуй-ка тут не устать
 Между небом плутать и землею,
 Меж судьбой и желаньем плутать.
 Сколько мной недоделано дела,
 Недовитых оставлено гнезд!
 Но не вся еще жизнь пролетела
 И не все же в ней наперехлест!
 И в какой-то момент запредельный
 Вдруг сольются тоска и покой,
 Как сливается дождь колыбельный
 С темной настороженной рекой.

* * *

Как морозы землю ни терзали,
 Май пришел — поляны расцвели.
 Лопухи козырными тузами
 Так и прут из матушки-земли!

Так вот и запенилась крапива,
И еще до полной темноты,
Чуть ее росою окропило,
Перебила запахом цветы!
Даже мох позеленел на крыше.
Зеленей, родимый, зеленей!
Молодежь весельем так и пышет,
Старики — и те кряхтят бодрой.
Дачные и сельские народы,
Не теряя времени зазря,
Снова потянулись в огороды,
Покатили снова на поля.
Соловьи ночами засвистали
В зарослях дремучей бузины.
Рыбаки удилища достали,
Отложив шарманки до зимы.
Солнцем обогреты все былинки.
На земле такая благодать,
Что поэты, отложив былины,
Начинают лирику писать.
И природа, с осени немая,
Окунувшись в море синевы,
Распевает к середине мая
Голосами речек и листвы.

* * *

А кто слыхал про Лисью гору?
В моем селе и то не всяк,
О прочих нет и разговору —
Ну кто не знает Лисью гору?!

А я скажу об этом так:
Пускай она не знаменита,
Туристов там помину нет,
Зато и солнышком повита,

И диким клевером покрыта,
И соснам там по сотне лет.
Сюда в каникульную пору
Мы часто бегали гурьбой,
И все искали без разбору:
Грибы и щавель, лисью нору,
Купались в речке под горой.
А было ль что малины слаше
Или княжицы — вырви глаз!
Сейчас бы снова в эти чащи!
Но, к сожалению, нечасты
Отныне праздники для нас.
Пускай нечасты — ну и что же! —
Зато свободный выходной
От этого всегда дороже.
Летиши сюда по бездорожью
На Лисью гору, как шальной.
И в час вечерний онемело
Глядишь с вершины на село:
Там солнышко, наверно, село,
Угомонилось все, отпело,
А здесь еще светлым-светло.

* * *

Как непогода шумит в вершинах!
Гнет над рекой кусты!
Но среди сосен несокрушимых
Несокрушим и ты.
Как не тревожиться в мире тревожном?
Плакать же нет причин.
Вздох человека в шуме таежном
Попросту неразличим.

* * *

К чему пустые разговоры,
 Что денег нету ни гроша,
 Что люди — пьяницы и воры,
 А ты — открытая душа.
 Что на работе подсидали,
 Начальство гнет тебя дугой,
 Что ты и дышишь еле-еле,
 А на курорт летит другой.
 Мой милый, что это такое?
 Вполне жену твою пойму:
 С таким занудой и брюзгой
 Легко ли жить в одном дому.
 К чему пустые разговоры?
 Ты лучше выскажись до dna:
 «Хочу иметь златые горы
 И реки, полные вина...»

РОМАНС О СВЕТЛЫХ НОЧАХ

Белые ночи
 Стоят на высоких широтах,
 Черные ночи
 На низких широтах лежат.
 Здесь же
 На наших полях, и лесах, и болотах,
 В наших умеренных
 Сходятся зори в обхват.
 Ночи июньские,
 Светлые юности ночи
 Снова приходят,
 Как многие годы назад.
 Пусть для меня они

Стали немного короче,
 Но для меня они
 Больше, чем вам, говорят.
 Светлые ночи...
 И бой соловьиный рекою!
 И потому
 Так призываю сияет сирень,
 Чтобы ее я,
 Как раньше, коснулся рукою,
 Прежде чем выйти
 В протуберанцевый день.

* * *

Ты не думай, что песенка спета,
 Отмакни свою челку со лба.
 Снова дымными тропами лета
 Нас опутывает судьба.
 И костры на дорогах разводят,
 И следят, чтоб огонь не погас.
 И как облако в облако входит,
 Так сливаются души у нас.
 Ветер дождь перед нами качает,
 Но пройдет, погоди, полчаса —
 Снова солнышко увенчает
 Надо мной и тобой небеса.
 А давно ли казалось, что счастье
 Нам с тобой не достать, не под стать.
 Нам казалось, на птице летящей,
 Легче перья пересчитать.
 Только дымными тропами лета
 Мне уже не расстаться с тобой.
 Значит, песенка счастья не спета!
 Слышишь — жаворонки над головой...

* * *

Эх, покурю-ка, давно не закуривал!
Спать убреду в сеновал.
Эх, по избе моей веник не гуливал,
Ветер зато погулял.
Курево крошится, спички ломаются,
Все, брат, одно к одному...
Сколько еще одинокому маяться
В этом остылом дому?
Самая близкая и невозвратная,
Что же наделали мы?
Где же дорожка твоя подзакатная
Пересекает холмы?
Может быть, сны твои --
Пусть и недолгие! —
В нашей бывают избе,
Как и мои улетают бездомные
Каждою ночью к тебе.

* * *

Опять вокруг рабочего стола,
В окне передо мной и надо мною
Смыкается предательская мгла,
Как черная вода над головою,
Непроницаем заоконный мрак,
Там без опаски не ступить ни шагу,
Там только лай сторожевых собак
Преследует какого-то бродягу.
Гори, гори, свечи огонь живой,
До предопределенного рассвета!
Декабрьской полночью одним тобой
Моя душа жива и обогрета.
Не угасай, не поддавайся сну,

Не угасай, мне тоже нет покою,
Покуда ночь не выпустит луну
Над гололедной нашей стороною
И отпускник веселый не пройдет,
В последний раз гармошку надрывая...

Но вот и псы замолкли у ворот,
Осипшие от холода и лая.
Целительна ночная тишина,
И так привольно в ней воображенью,
Где, как живая, царствует весна
В цвету черемух и скворчином пенье,
Где на свечи полночный огонек,
Когда окно распахнуто широко,
Заглянет человек и мотылек,
И никому уже не одиноко...

* * *

Любовь к Руси необъяснима.
И в этом смысл, и в этом страсть!

Зачем тревожная осина
На горькой глине привилась?

Зачем из африканской дали,
Из той загадочной земли
Опять сюда приковчевали
Седые наши журавли?

Зачем багровые закаты
Среди вечерней немоты
Здесь так упорно, как солдаты,
Не покидают высоты?

Зачем на краткие недели,
А не на долгие года,
Покинув родины пределы,
Мы вновь торопимся сюда?

И, где бы мы ни колесили,
Я знаю: будут до конца
На трепет горькой той осины
Ответно трепетать сердца.

* * *

Долга зима, да перемыкали,
Довольно наスマрком болеть!
Уже с глазами непромытыми
По лесу шастает медведь.
Где мы с тобой гуляли, помнится,
До совершенной темноты,
Теперь гуляет половодица
И гнет покорные кусты.
На неудобства я не сетую,
Весна прекрасна без прикрас!
И перейти на форму летнюю
По зайцам выпущен приказ.
Снега с пригорков словно слизаны.
Светлы носы у воробьят.
В углу сарай санки с лыжами
Невиноватые стоят.
Немало мы поленниц ставили
По осени.
Но наконец
Поленницы и те растаяли...
Ну значит все —
Зиме конец!

Осиновые крупные листы
Слетают на разбитую дорогу,
Но небеса светлеют понемногу —
Они ночами, как всегда, чисты.

За окнами уже огонь дрожит.
Такая грязь! — но рою я картошку.
Сосед дает совет — мол, понемножку...
Картошка за тобой не побежит.

Мне спину окатил девятый пот,
А руки ноют — так земля остыла.
Сегодня мне по горло напостила
Пора осенне-полевых работ.

Сейчас бы чаю крепкого глоток!
А вот и мать. И, правда, кличет к чаю...
Устало репродуктор выключаю.
Смятенен сон и часто неглубок.

Во сне дожди протяжны и густы,
Во сне из глины трудно вынуть ногу...
За окнами на вязкую дорогу
Светло летят багряные листы.

* * *

Выйду в лес осенний до тумана
И сниму кепчиконку с головы.
Ой да не одна сквозная рана
Синевою хлещет из листвы!
Ой да скоро зашумят метели...
Лес привычен к ним. Но жалко птах,
Певчих, тех, что нынче улетели,
Малых, тех, что нянчил на руках.

* * *

Что, ребята, горевать,—
Нет бессмертия людям!
Если быть — не миновать,
То и мы там будем.

Только каждый в свой черед...
А черед — когда же?
Тут никто не разберет,
Разум не подскажет.

Знай работай, нажимай
В доле и недоле.
Помирай, а засевай
Родимое поле.

Неизвестно, кто пожнет
С наших с вами пожен.
Неизвестно, кто поймет,
Но ведь кто-то должен.

Незарытым на земле
Не оставят тело.
Незарытым на земле
Остается дело.

* * *

Волшебная, далекая пора!
Получена последняя отметка —
И кончена для нас десятилетка,
И мы ушли со школьного двора.
Какое счастье!
И в последний раз —

А кто же знал тем полумраком летним,
Что этот раз останется последним? —
Старинный парк радушно встретил нас.
Не утаю,
Когда на то пошло,
Как мы, еще обняться не умея,
И от прикосновения немея,
Девчонок провожали за село...
Теперь другим встречать рассветный час,
Теперь другие с бала выпускного
Уходят в тайну сумрака ночного,
Как уходили мы,
Да и до нас...
У них сирень приколота к груди,
Для них оркестр на улице играет!
Они не знают и никто не знает
О том,
А что-то будет впереди...

* * *

В лесу пока смеркается не рано.
В нем без людей пустынно и парадно.
И тучи копят сонный санный снег.
Один лишь тип со взглядом побиушки
В осинах собирает отварушки...
Проголодался, божий человек!

А что же мной в лесу пустом забыто,
Зачем гляжу я под ноги сердито
И бормочу обидные слова?
Зачем ищу покоя и привета,
Где только отблеск дней румяных лета
Еще хранит усталая листва?

Зачем никак не наберусь терпенья
И не могу я дня прожить без пенья
Таких родных по духу мне пичуг?
Они со мною были на малине
И ночевали вместе на овине...
И вот теперь — один остался вдруг!

Один гляжу, как чуткие туманы
Зализывают ямы, словно раны,
Ложась на дно отзывчивых низин.
От листопада шаг до снегопада,
Все по добру, все ладно, все как надо,
Все хорошо... но жаль, что я один.

* * *

В июне том
Мы жили у старушки.
Нам просто захотелось отдохнуть.
Но пухлые пуховые подушки
Ночами не давали мне
Уснуть.
Имея до рассвета час в запасе,
Бродил я парком,
Отряхал росу
И не жалел,
Что глупо так попался
На месяца веселую блесну.
А ты была бойка
И смуглолица.
Не в нашем
Уродилась ты краю.
Хозяйка говорила: — Баловница,—
И вспоминала молодость свою.

Когда под утро,
Наломав сирени,
Продрогший я ворочался домой,
Ты босоногой выбегала в сени:
— Спасибо,
Самый добрый домовой! —
Позавтракав,
Мы шли на речку часто.
Нас липы провожали шепотком.
А женщины носили в ведрах
Счастье,
И вся сирень
Цвела в пять лепестков.

ПЕРЕПЕЛА

Перепела кричат,
Перепела.
Любовь была,
А может, не была?

В тумане зыбком
Плавают кусты.
Неясен месяц.
Непонятна ты.

Постой, моя хорошая,
Постой.
Давай наладим
Разговор простой.

Ты знаешь,
Мне о прошлом вспоминать —
Как будто эти губы
Приминать.

Уедешь скоро
В лучшие края.
Пока ничья, а жаль,
Что не моя.

Останутся в ночи перепела
Гадать:
Была любовь
Иль не была?

* * *

Пряди, метель, свою кудель,
Крути луну,
Как веретенышко,
Но все равно в погожий день,
Любимая,
Проглянет солнышко.

И снова,
Как и год назад,
Запахнут почки тополиные,
И половицы заскрипят
Под ноженьками торопливыми.

О, как мы дружно заживем!
Цветы поставим
На столешницу.
И счастье прилетит в наш дом
Скворцом
В знакомую скворешницу.

Пряди, метель, свою кудель,
Крути луну,
Как веретенышко.

Но все равно в погожий день,
Любимая,
Проглянет солнышко.

НОЧЬ

Как будто родина потеряна!
Как будто допито вино!
И, как в пустом скрипучем тереме,
В дому и страшно и темно.

Друзья мои,
Где пропадаете?
Придите выпить или спеть...
Неужто вы не понимаете,
Как это просто —
Умереть?

А ДОМА...

Далеко за окоемом
Речка Ёма.

За горами, за лесами
Палисадник!

И домишко синеокий
В девять окон.

Белым цветом отрябили
Мне рябины.

Полевые коростели
Отсвистели.

Все друзья, какие были —
Позабыли.

И не вспомнят, как бывало
Бедовали,

Как с девчонками бывало
Баловали.

Только тянет меня к дому
Дорогому.

Тянет мама, тянет батя.
Тянут братья.

Да еще за окоемом
Речка Ёма,

За горами, за лесами
Палисадник.

* * *

Журавлинный клин качается,
Мерно крыльями гребет.
Лето красное кончается,
Стылой осени черед.
С поля рожь недавно убрана,
Не скрывает большака.
Почернела в кадках губина,
Загнетенная слегка.
Буераки да овражины
Застилает листопад.
Дровни заново отлажены
И на поставнях стоят.
Холодами зелень губится,
Только озимь зелена...
Мне за то Россия любится,
Что рабочая она,

Что труды трудом сменяются,
Что они в полях у нас,
Словно зорюшки смыкаются,
Не смолкая ни на час.

* * *

От пересудов и простуды
Сбегая в тихие дома,
Среди покоя и посуды
Совсем легко сойти с ума.
Снега ли улицу затопят,
Придет ли сонный листопад
В домах все так же печи топят
И на погоду не глядят.
Не по-хорошему оседлы,
Неразговорчивы подряд
К соседям не пойдут соседи,
Своих ворот не отворят.
Не проскрипят дверные петли,
Лица в окне не промелькнет.
Однообразны даже сплетни
И одинаков анекдот.
И, утопая среди грязи,
Дома уходят в глубь земли.
По подоконники увязли,—
Скорей бы с крышами ушли!

ДЕРЕВНЯ

Золотые пожни,
Часовенки убогий вид...
Там все характеры несхожи,
И я был тоже
Знаменит.

Не как плясун,
 Или охальник,
 Или молочный там агент,
 А все-таки — киномеханик! —
 Уже почти интеллигент.
 Своих завистников
 Без спора
 Свалить желая наповал,
 За исключением «Беломора»
 Я табаков не признавал.
 С любого праздника, бывало,
 Я уходил домой один,
 Как будто мне и дела мало
 До ритуала проводин,
 Когда дружки мои лихие
 Девчонок брали,
 И когда
 Сирени заросли глухие
 Обламывали у пруда.
 Я жил прямым киногероем,
 Не по-земному,
 Высоко...
 Теперь признаюсь
 И не скрою,
 Что жить мне было
 Нелегко.
 И я расстался с этой славой,
 Но не задешево причем,
 А за платочек зорьки алой,
 Что вился за твоим плечом.

* * *

Под Заполярья
 Сумрачные своды
 И мне пришлось

Однажды заглянуть,
 Где проступают
 Скальные породы
 И выступает
 Человечья суть.
 «Да, здесь в почете
 Согнутые спины,
 Здесь без труда
 Не ловят из пруда», —
 Шептали мне
 Туманные Хибины
 И шелестела
 Имандры вода.
 «Тут в одиночку
 Не избегнуть лиха,
 Тут места нет
 Для слабых и тоски», —
 Мне говорила
 Грозная Гремиха
 И вторили
 Ночные маяки.
 Да, эти земли
 Не рожают хлеба
 И небеса
 Не любят певчих птиц.
 Здесь море, и земля,
 И даже небо
 Не для сугубо праздных
 Штатских лиц.
 Но опустившись
 В нижние широты
 По неприютным
 Северным морям,
 Мы были очень рады
 Отчего-то
 Не чайкам,
 А обычным воробьям.

* * *

Живешь себе спокойно, не спеша,
Идешь вперед «без страха и сомненья».
И зарастает камышом душа,
И обнажает донные каменья.

Не потому ли скромен твой улов?
На мелкой речке разве что поймаешь!
Как островок, среди журчащих слов
Стоишь — и ничего не понимаешь.

Мой милый, не испытывай судьбы,
И если хочешь быть самим собою,
Иди туда, где утром на дыбы
Встают дымы над каждой избою.

Туда, туда — пешком и напрямик!
По хляbam и болотам, как по сушу!
И матери обними! —
И в тот же миг
Отверзнутся
Глаза твои и уши.

И ты почуешь —
Пусть тебе тогда
И стыдно будет и немного грустно,—
Как заливает полая вода
Твоей души запущенное русло.

* * *

Не ищи дорог без терний,
И в беде ищи добра.
Только лишь из подмастерьев
И выходят мастера.

Всем, что знаешь и умеешь,
Не гордись на склоне дней.
Не от возраста умнеешь,
А умнеешь от людей.

Дело вовсе не в секрете,
В мастерстве секретов нет.
А живи на белом свете,
Излучай добро и свет!

Потому народу милы
Только те сыны земли,
Кто в священные могилы
Ничего не унесли.

БЛОК.
1911 ГОД

Россия... Сосен темный ряд,
Дорога желтая, ухабы.
С разинутыми ртами бабы
На каждой станции торчат.

Возница гонит лошадей.
Темна душа его, угрюма.
Какая затаилась дума
Меж плотно сдвинутых бровей?

Россия... Грозовая тишина,
Она мрачнее год за годом.
Тут перед собственным народом,
Как перед пропастью стоишь.

Лесные катятся валы.
Темны, темны за ними дали...

Россия, сердце приковали
К тебе любви кандалы!

Пусти меня хоть на крыльцо,
Дай позабыть на миг невзгоды.
О, бедная! Лихие годы
Состарили твоё лицо.

Но нет, молю тебя, молю,—
Любовь не путай с состраданьем!
Моей любви к тебе признанье
Я назову и смерть мою.

В БОЛЬНИЦЕ

Запретно все: друзья и папирсы,
А главное — запретен всякий труд.
Врачам излишне задавать вопросы,
Когда они уже не задают.
И потому, в терпении глубоком
Я скрашиваю тем свое жилье,—
Когда закатный луч, ниспослан Богом,
Является в безмолвие мое,
Слежу за ним, волнуюсь, исцеляясь,
И, кажется, уже возможно мне,
Как он, бессмертный, за стену цепляясь,
Вставать, вставать все выше по стене...

* * *

Мне забот придумывать не надо.
Так живу, волнуюсь и спеша,
Что порою солнышку не рада
За ночь постарелая душа.

Творчество покажется обузой,
Вовсе неудачно судьба...
Жить, не приторговывая музой,—
Никому не легкие хлеба.
Головой, бывает, покачаю,
Как вокруг порою погляжу.
Но на ругань я не отвечаю,
От словесной драки ухожу.
Знать, такая выдалась порода
Ко всему незлобная, моя...
На ворону каркает ворона,
Но не соловей на соловья.

* * *

Расставание необходимо
Для забвенья случайных обид.
Как воздушно, нерукотворимо
Солнце волосы вам золотит!
Обещаю, что не позабуду,
Стану вашу улыбку беречь,
Стану слышать всегда и повсюду
Вашу мягкую плавную речь.
На вокзальном на суетном фоне
Вы стоите, от шума устав.
Попрошаемся — подан к платформе
Ни минуты не ждущий состав.
Расставание необходимо —
И сомкнулось его кольцо!
Отойдет в неизвестность, мимо
Синеокое ваше лицо.
Не пеняю на разные рейсы:
Сами выбрали, как могли.
...И расходятся синие рельсы,
И смыкаются где-то вдали.

* * *

Пока ты рядышком живешь,
 Снега равнинные приятны,
 Боры, что так зимой опрятны,
 А летом —
 И цветы, и дождь.
 О, как я награжден судьбой
 Твоей любовью неслучайной
 И нежностью!
 Но тем печальней
 Мне расставание с тобой.
 Пусть не навек, не до конца, —
 Оно придет в глухое утро,
 И все вокруг померкнет,
 Будто
 Черты любимого лица.

* * *

Побывали люди на Луне,
 И на Марсе побывают тоже.
 Побывать бы где-нибудь и мне,
 И, возможно, побываю, что же...
 Посмотрю на дальние края,
 На природу их и на погоду.
 Но боюсь, что затоскую я
 По земле своей и по народу.
 Это просто говорится так,
 Что куда хочу туда и еду.
 А тоска по родине — пустяк?
 По отцу, по матери, по деду?
 Как это устроено в душе,
 Объяснят ли разные словечки?
 Лишь бы дома, пусть и в шалаше,
 Пусть и не у моря, пусть у речки.
 Пусть она едва журчit у ног,

И над нею не шумят ветрила,
 Но ее певучий говорок
 Внятен мне — она меня вспоила.
 Лягу под березой слушать птах,
 Вновь ее весна принарядила.
 Милая моя, в твоих лаптях
 Вся Россия в люди выходила!
 Побываем за границей, что ж...
 Может, там края красивей даже.
 Но куда от родины уйдешь?
 Разве в землю родины — не дальше.

* * *

Чего я желаю, кроме
 Как письма писать отцу
 Да жить преспокойно в доме,
 Четыре окна по лицу.
 Другое выходит на деле,
 На деле выходит не то:
 Дорожныеечно недели
 Помятоеечно пальто.
 Достаточно времени, кроме
 Как письма писать отцу
 Да прописаться в доме,
 Четыре окна по лицу.

* * *

Столько разных настроений,
 За которым и пойти?
 Вот дорожка наслаждений...
 Только нам не по пути:
 Где же денег напасти?

Нет причины для веселья
И для грусти тоже нет.
Ни смертей, ни новоселья —
Преспокоен белый свет.
Кто же мне подаст совет?

Посмотрю в свое окошко:
Солнце ходит в стороне,
Дятел дробно и сторожко
Ковыряется в сосне.
Поработать разве мне?

Построчишь да почитаешь
И к окну на пять минут.
Как там, милый, колупаешь?
У меня дела идут!
Настроение — на труд.

* * *

Ты скажи, к кому меня ревнуешь,
И уже слuchается порой,
Что отлучку каждую раздуешь
Чуть ли не до драмы мировой?

Милая, да что это такое?
Не тепличный все-таки цветок,
Чтоб дистиллированной водою
Прокормиться в этой жизни мог.

Я люблю другие почвы.
Впрочем,
Там растут большие лопухи...
Но не на искусственной же почве
Сочинять поэмы и стихи!

Прояви, любимая, сознанье...
Это ли не дикая тоска
Заниматься перевоспитаньем
Данного от Бога мужика?

* * *

На улицу она глядела.
Снега за окнами несло.
И столбяная печь гудела,
И было тихо и тепло.

Потом у дома, за рябиной,
Прощались ровно пять минут...
Послушной называл, любимой...
Не знаю, как *теперь* зовут.

* * *

H. Кучмиде

Прощайте, углы дома!
Прощай, болотная обитель!
В края чужие, местный житель,
Поеду занимать ума.

Почтенные профессора
Расскажут мне про все на свете:
О капитале, ренте, смете,
О величавости добра.

От истины отбросят ложь,
Разложат бытие на спектры.
И если завести конспекты,
То несомненно все поймешь.

Но я боюсь, боюсь не зря —
Как много в жизни случай значит!
Однажды женщина заплачет,
По телефону говоря...

ВСТУПЛЕНИЕ

У каждого свой путь и берег,
Но зря иных
Манит опять
Открытие вторых америк.
Россию надо открывать!

* * *

При разлуке милая призналась,
Вымолвила тихо у дверей:
«Мне любовь другого представлялась,
Представлялась проще и светлей».

И сказал я, губ ее касаясь:
«Пусть она у нас не так светла,—
Все же лучше, чем она казалась,
Потому что все-таки была».

* * *

Отгуляли, кажется, ребята,
Охаем да чай горячий пьем.
Водочка ни в чем не виновата,
Сами виноватые во всем.

Но зато какие были речи,
Добрые хорошие слова...
А теперь опущенные плечи
И совсем больная голова.

Ни о ком не скажешь, мол, бездельник,
Но никто не сделал ничего.
И не жалко пролетевших денег,
Времени вот жалко своего.

Глупая российская беспечность!
Снова удивили белый свет.
Думаем, у нас в запасе вечность,
Вечности у нас как раз и нет.

Да ее, пожалуй, и не будет...
Потому, заботясь о судьбе,
Нас никто пристрастней не осудит,
Чем мы сами судим о себе.

* * *

Захочу, порой ночною
Ловко лодку оттолкну
И над самой глубиной
Колыхну легко луну.
К устью выгребу поближе,
А потом поворочу,
И, закрыв глаза, увижу
Все, что только захочу.

* * *

Половодья лихая путина
 Затопила дороги мои.
 Напиши письмечко, Антонина,
 Прилетели ли там соловьи.
 Напиши, как они обручили
 Зорьку вечера и рассвет,
 Как в открытые окна ночами
 Горько пахнет черемухи цвет.
 Это май виноват, подружка,
 А все прочее ни при чем,
 Что сгорает твоя подушка
 Под горячим под правым плечом!
 Выйди из дома — встретишь диво,—
 Все равно тебе не уснуть! —
 Посмотри, как луной окатило
 От крыльца уводящий путь.
 Протяни же призывные руки
 К сильным рекам, на север, туда,
 Где кончается время разлуки,
 Убывает оно, как вода.

* * *

Ночи холодные очень.
 Скоро остынет земля.
 Вновь отрывается осень
 Красной строкой сентября.

Выдешь в любую аллею —
 Грустно душе понимать:
 Тени деревьев светлее,
 Стали светлее опять.

Лист, надо мною порхая,
 Напоминает звезду,
 А через миг — золотая
 Плавает рыбка в пруду.

Что-то краснеет на кочке,
 Чем-то усыпан пенек...
 Это уже не цветочки,
 Ягодки это, дружок.

* * *

Небеса с одной-единой тучкой,
 Как я ждал погожего денька!
 Сгрудились опять тесной кучкой
 На покатой лысине пенька.
 Отварю в водице подсоленой,
 Угощу домашних, воротясь.
 В тишине прохладной, просмоленной
 Пошатаюсь, как удельный князь.
 В этих чистых елках и осинах
 Среднерусский, нестеровский вид;
 Пауки летят на паутинах,
 И листва багряная летит.
 Шают кроны в шелесте и шуме...
 На душе в такие вечера
 Нету места одинокой думе,
 Что придет угрюмая пора,
 Что притихнет скоро дикий голубь
 Над моим дощатым чердаком,
 Что во льду едва прорубишь прорубь,
 Как метель залижет языкком.
 Это после... А пока прогнозы
 Нам пророчат счастье и покой,

И плывут упругие стрекозы
Над похолодалою водой.
С каждым днем быстрее под закаты
Стаями уходят журавли,
И сверкают листья, как заплаты
На сиротском платьице земли.

* * *

Полянка в розовых волнушках,
И я у них на побегушках.

Беру, спины не разгибая
(Ее на службе так не гнешь!),
Подходит тучка дождевая
И затевает тихий дождь.
Меня погода не тревожит,
Мне одному легко сейчас,
Хотя сановный критик может
Тут усмотреть отрыв от масс.
Однако, если разобраться —
Пускай пример не так уж нов,—
От массы легче оторваться
В толпе, под звон колоколов.
А здесь, почувствовав тревогу
В глухом и неродном бору,
Кричишь: — Ay! Забыл дорогу! —
И слышишь отклики: — Ay! —
Сидишь под елью, как под крышей,
И осень, словно добрый пес,
С какой-то ласкою неслышной
Все тычет в щеку мокрый нос...

НА РЫБАЛКЕ

Умоляю тебя, река,
Надоели мне пескари,
Ну, раздобрись на окунька
И поклевку мне подари!

После вспомню тебя не раз
И товарищам расскажу —
Вот кто выручил, вот кто спас,
Вот чьей дружбой я дорожу!

А как утро-то нынче — блеск,
А ведь что еще будет днем!
А как рядом-то чистый лес,
Вот бы мне туда соловьем!

Только ты, река, холодна...
Подари же мне окунька!
Ведь померкнуть может весна
Из-за малости, пустяка.

* * *

Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой —
Все скосили, просушили и поставили в стога.
У кузничика хромого с треугольною ногой
Не шумит над головою разноцветная тайга.
Подкосили наше лето, ах, под самый корешок,
Покатилось красно солнышко, позолотило рожь...
И ночами выстыкают в речке камень да песок...
Что, кузнецик, что ты плачешь? Плачем лета
не вернешь.
Посажу тебя, пожалуй, не в карман, а в коробок,
Поживи на теплой печке, духом яблок подыши.
Тихой радостью осенней запасаться надо впрок,

Свежим сеном и листвою устилая дно души.
 Тучи толстые нахлынут, и когда посыплет снег,
 И когда не остановишь ни на чем усталых глаз,
 Ты напомнишь мне, кузнецик, мой зеленый человек,
 Тиши, луга, ржаное поле... Это будет в самый раз.
 Поплотней прикроем двери, да растопим нашу печь,
 И погреемся немного у веселого огня.
 Ах, кузнецик, я не в силах это лето уберечь,
 Как товарищ по несчастью понимаешь ты меня!

* * *

Полузабытой дорогой неспешно шагаю,
 Топаю тихо на дальний мерцающий свет
 Мимо деревни, названья которой не знаю,
 Мимо ручья, у которого имени нет.
 Что-то не слышно собачьего звонкого лая,
 Что-то не видно привязанных в поле телят.
 Значит, деревня, как многие здесь, нежилая —
 Вон лопухи в огородах какие торчат!
 Слышал, раскольники здесь поселились когда-то,
 И коренились, и каждый мужик был угрюм.
 Жили прижимисто, круто, зато и богато;
 К ним поученья писал протопоп Аввакум.
 Миром сводили леса под свои огороды,
 Под сенокосы и пашню, работка — воловьей под стать!
 Нет, для крестьян не случаются легкие годы,
 Даром земля не накормит, хотя и кормилица-матерь.
 Нет уж давно тех, что крепко держались раскола.
 Здешний погост — он в малине, в смородине весь...
 А у потомков закончена средняя школа,
 Всюду их встретишь, но только, пожалуй, не здесь,
 Где ни веселых детей, ни собачьего лая...
 Топаю дальше на дальний мерцающий свет
 Мимо деревни, названья которой не знаю,
 Мимо ручья, у которого имени нет.

* * *

Среди разгула и разбоя,
 Обмана и борьбы за власть,
 Держи на памяти такое,
 Что выручит, не даст пропасть.

Пускай душа зайдется в крике,
 Но — отложи пока перо,—
 И вспомни о лесной бруснике,
 О том, как было все добро.

Припоминая север милый,
 Своих товарищей, подруг,
 Душа воспрянет с новой силой,
 И разорвет печальный круг.

Сейчас ничто не украшает
 Твоей судьбы — и потому
 Былое часто утешает,
 Давай поклонимся ему.

Вот этой рощице зеленоей,
 Откуда в жизнь вошли грехи,
 Где ты, счастливый и влюбленный,
 Писал счастливые стихи.

* * *

Небеса надо мной посинели.
 Как безгрешен, безоблачен день!
 Городок утопает в сирени,
 Даже крыши скрывает сирень.
 Повезло, наконец-то,— не скрою.
 Разве это не повезло,
 Что сиренью, как полой водою,

Все ненастные дни унесло!
На душе и светло, и пьяно,
И чему-то внутренне рад,
И глаза мои постоянно
На сирень, словно пчелы, летят!

* * *

Засвечу полуночную лампу
И на миг от себя отведу
Темноты беспристрастную лапу,
Как другие отводят беду.

Может, будет не так одиноко,
Если маленький свет упадет
На крапиву густую у окон,
На заброшенный мой огород?

И опять сигареты и книга,
Словно нищего чьи-то гроши,
Выручают, отводят от крика,
Поднебесного крика души,

От низины, заросшей осокой,
И чужих горделивых крылец,
И от этой крапивы высокой,
От себя самого, наконец.

* * *

Лес — моя зеленая обитель.
Прохожу степенно с посошком.
На высокой туче небожитель
Мне сейчас завидует тайком.

Пусть завидует! Ему не пара
Человек устроенной судьбы,
Что навек отрекся от нектара
И переключился на грибы.

Никогда обета не нарушу!
Даже если вымок и продрог,—
Моментально отогреет душу,
Вынырнувший под ноги грибок.

Но бывает день совсем негодный:
На грибы в лесу не попаду.
Ничего, я — человек негордый,
До дому околицей пройду.

ПАМЯТИ А. Я. ЯШИНА

Все горевало. Все скорбило.
Дожди ничем не укротить...
Его последней волей было:
На родине похоронить.
И встала радуга в полете,
Когда среди родных, друзей
Его в печальном самолете
Везли к родной земле своей.
Его везли над той землею,
Где исходил он босиком
Луга с шелковою травою,
Реку с поникшим ивняком.
Ах, тихий земляничный холмик,
И ты, вечерняя звезда,
Он так любил вас, так вас помнил,—
Теперь он с вами навсегда.
Но сколько б лет ни пролетело,

Ни прокатилось бы дождей,—
Земле досталось только тело,
Душа его — среди людей.

* * *

А на улице дождь. Он по крыше идет налегке.
Мне с высоких полатей отлично слышно,
Будто маленькие человечки подбегают к стрехе,
И друг за дружкой спрыгивают с крыши.
Не приехала. Нечего больше ждать.
Только кажется — рядом шаги слышу...
Это маленькие человечки пришли сказать,
Что никого не видно... даже с крыши...

* * *

Живу в прекрасном городке!
Петух поет невдалеке,
Гражданка в вязаном платке
Меня улыбкой оделяет.
Суббота. Трезвый мой сосед
Спешит собаке дать обед,
Попутно мне кричит: «Привет!» —
Собака в это время лает.
Гуляю. Шаткие мостки
(Две просмоленные доски),
Пускай не слишком широки,
Но заменяют тротуары.
И здесь (куда ж еще пойти? —
Кино лишь вечером, с пяти,
Да там — и денежки плати!)
Сердитые гуляют пары.
Все мило мне и все с руки,
И даже эти старички,

Что вбок огромные скачки
Выделяют поневоле,
Коль пьяный им навстречу прет,
И что-то русское поет,
А что — никто не разберет,
Но, вроде, о колхозном поле.
Живу в прекрасном городке!
Пью сок в хозяйственном ларьке,
Пыль крутится на ветерке
И оседает на плакаты...
Ушами в парке конь прядет...
Пожалуй, скоро дождь пойдет.
Жаль, что суббота пропадет,
Но люди тут не виноваты.

СТИХИ С ДОРОГИ

Седьмой вагон — его болтает,
Его трясет — седьмой вагон.
Здесь только храла не хватает...
Но вот уже раздался он!

Да, нелегко домчать до дому.
И, видимо, придется мне
Такому вот, полуживому,
Явиться на глаза жене.

Тут не до сна — его не будет.
Глаза сомкнулся — идут врачи:
Две продавщицы криком будят:
«Берите с мясом пироги!»

Лежу больной на третьей полке
И мне не весело — Увы!..
А за окном мелькают елки,
Они с иголочки, новы.

А за окном снегирь на ветке —
Зимы румяная душа —
Сидит и дышит
 в доброй вере,
Что жизнь на свете хороша.

И на просторе чистом, гордом,
Где белый свет слепит глаза,
Седьмой вагон с тоской и громом
Нелеп, как зимняя гроза.

* * *

В колее проступает водица.
По опушкам скользит листопад.
Проклинает погоду возница.
Беспорядочно оси скрипят.

По дороге деревни да церкви,
И у всех придорожных церквей
Купола золотые померкли,
Стали явственнее и тяжелей.

Мой возница о чем-то тужит,
Курит часто и неспроста...
И ворона голодная кружит,
Пережившая веру в Христа.

ПИСЬМО БЕЗ АДРЕСА

1.

Сначала нужно жить да жить
И в суете, где все так больно!..
А песни старые сложить
Без нас охотников довольно.

Кому они нужны, стихи,
Когда душа души боится?
У мамы, вон, дела плохи:
Опять, наверное,— больница...

Забота на сердце всегда,
А рядом с нею дело, дело...
Когда грохочет мир, тогда
Немеют люди оробело.

2.

И все ж они живут, стихи,
Живут, порою с нами ссорясь.
Живут глубинно, как грехи,
Живут извечно, словно совесть.

Кому преподнести, кому,
Тобой увиденное чудо?
Не каждому же по уму
И по душе такое блюдо:

И поздней осени цветок,
И воробей над майской лужей...
Послушай, белый мой листок,
Ложись напротив да послушай:

Приятно было босиком
Ходить по пыльному проселку,
И лазать в огород тайком
На нелегальную прополку!

Мне думается: и с другим
Случалось точно же такое...
Поговорить бы надо с ним
Наедине, вот как с тобою.

Листок мой белый, только ты
Сумеешь отыскать другого,
Спаси его от немоты,
Мне близкого и дорого.

* * *

От костров отпрянувшие тени,
Бубенец далекий...
Не берусь
Говорить, откуда прилетели
Эти песни странные на Русь.

Музыка цыганская, резная!
На уме мелькает неспроста,
Словно едешь, даже сам не зная,—
Где она — последняя верста?

Узкую перемело дорогу.
Господи, куда же занесло!
Чистым полем — да от стога к стогу...
Где оно — знакомое село?

Музыки и мутной выюги братство
Предстает, как бесконечный путь.
Но уже не повернуть обратно,
Слов произнесенных не вернуть.

* * *

Тропа развинула деревья.
Невольно ускоряю шаг.
И вот она, моя деревня! —
Часовня, домики, овраг.

На крыши темные, косые
Гляжу, волнуясь, не дыша...
Деревня — не лицо России,—
Душа.

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ

Перехожу к печальному итогу:
Не позабыть мне родины своей,
Не позабыть разбитую дорогу,
Где скакет одинокий воробей.
Не позабыть деревни никогда,
На целый метр осевшие избушки,
Откуда смотрят кроткие старушки,
Припоминая прежние года.

Сошлись у магазина мужики
Обмыть удачно проданную телку.
Они кричат без разума и толку
И делают огромные глотки.

Тут ни одна не меряна верста.
Мороз и ветер выжимают слезы,
Трещат ночами черные березы —
И это все родимые места!

Согреюсь у домашнего огня,
Когда дела закончены дневные,
Потом засну неслышно — и меня
Сон унесет в края совсем иные,
Где луг цветами пышными цветет,
Где удивляет певчих птиц раскраска...
Но и во сне я отдаю отчет,
Что это все неправда, это сказка.

Перехожу к печальному итогу.
Мне и во сне никак не позабыть
Кривых берез, разбитую дорогу,
И, слава Богу... право, слава Богу,
Мне не дано другое полюбить.

* * *

По тихим тропам родины моей,
Где вызвездило чистые ромашки,
Пойду бродить в сатиновой рубашке
По тихим тропкам родины моей.

Пока нигде не затопили печь,
Пока в заре созреет день погожий,
Поговорю с прохожим, как прохожий,
Пока нигде не затопили печь.

Приду домой, присяду у дверей,
Возьму перо и книжку записную...
Но только мама знает, что ищу я
На тихих тропах родины моей.

СОДЕРЖАНИЕ

И сердце по леву руки. <i>Предисловие Н. Груздевой</i>	3
«Ах, как ласточки ряяли в выси!..»	6
«Друзей потянет кочевать...»	6
«По родной земле кочую...»	7
«Стояли в марте холода...»	8
«Прошла машина, тяжело дыша...»	8
«Скорее бы зайндевели окна...»	9
«Метелью окна занавешены...»	10
«Как ясно, как чисто, как строго...»	10
«Закричали вечерние птицы...»	11
«Она чиста, дороженька лесная!..»	12
«Не забывай минувшие печали...»	12
«Апрельские вянут сугробы...»	13
«Снегу светлому поклонюсь...»	13
«Широкие темные рощи...»	14
«Поле раскисло под ливнями...»	14
«Пришли на память милые грехи...»	15
«Отличная нынче погода...»	15
«Нам по душе погожие денеки...»	16
«Уходим за последними грибами...»	17
«Свалинные травы под ногами...»	17
«Благословенны дни покоя...»	18
«Пускай со мной душа моя умрет...»	18
«Шуршат сухие ивняки...»	19
«Мне жалко покидать реку...»	19
«До свиданья, родная сторонка!»	20
«На улице, наверно, застывает...»	21
«Поле перемечено стогами...»	22
«Кончилось осеннее ненастье...»	22
«Открою дверь на легкий стук...»	23
«Бессонницы тревожный бред...»	23
«Люблю ночной порой...»	24
«Столько грязи опять...»	25
«И снова праздник наш печален...»	26

«Летит листва, легко черкает...»	26
«Ни звезды, ни ясна месяца...»	27
«Покрыты сплавом берега реки...»	28
«Постой же! Погляди сюда...»	28
«Дрова подсохли на повети...»	29
«Грузовичок потряхивает славно!...»	29
«Звезда протягала...»	30
«Во мглу и дождь погружена...»	31
«Ночь онемела здесь...»	31
«Шоссе районного значенья...»	32
«Долга ты, деревенская зима!...»	32
«И вот пришла пора грибная!...»	33
«Вода затопила цветы...»	34
«Работай, друг мой!...»	34
«Сомкну глаза...»	35
«Брали ягоду, рыбачили...»	36
«Без заботы жилось...»	36
«Да, подошли такие годы...»	37
«Привык ничего не бояться...»	37
«Бабочка уснула за окном...»	38
«Сосновый лес...»	39
«Уходят последние льдины...»	40
«И до скромного юбилея...»	40
«Осенняя заря...»	41
«Опять, робя, ухожу...»	42
«Передо мною чистая страница...»	43
«Люди вынули зимние рамы...»	44
«Мне тяжело...»	45
«Ах, опять на равнинах...»	46
«Полжизни прожил...»	47
«Качнулись под крылом деревья...»	49
«Лепечет дождь...»	49
«Подвигаюсь к вечному порогу...»	50
«Темна осенняя вода...»	51
«И хотел бы в деревню...»	52
«Ах, милая моя!»	53
«От снов о тебе и бессонниц...»	54
«Здесь ты жила...»	54
«Ушла жена от мужика...»	55
«Над рекой слоистые туманы...»	56
«Опять взошла...»	57
«Снова на родимой стороне...»	58
«Такое дождливое лето...»	58
Художнику Михаилу Брагину	59
«И перед начальством не робею...»	60

«Днем солнца нет...»	60
«Душа, словно птица, пуглива...»	61
«Открыта новая орбитя!...»	62
«Уют деревенского крова...»	64
«Среди берез, на берегу...»	65
«Далекие прощальные зарницы...»	66
«Замечашь, наше лето...»	66
«За воротник росой кропило...»	67
«Нарву цветов у старой школы...»	67
«Языки любви, языки цветов...»	68
«Недалекой бедою грозят...»	69
«Зима глубокая стояла...»	69
«И наша не хуже эпоха...»	70
«Дождь полуночный...»	71
«Как морозы землю не терзали...»	71
«А кто слыхал про Лисью гору?»	72
«Как непогода шумит в вершинах!»	73
«К чему пустые разговоры...»	74
Романс о светлых ночных	74
«Ты не думай, что песенка спета...»	75
«Эх, покурю-ка, давно не закуривал!..»	76
«Опять вокруг рабочего стола...»	76
«Любовь к Руси необъяснима...»	77
«Долга зима, да перемыкали...»	78
«Осинаовые крупные листы...»	79
«Выйду в лес осенний...»	79
«Что, ребята, горевать...»	80
«Волшебная далекая пора!»	80
«В лесу пока смеркается не рано...»	81
«В июне том...»	82
Перепела	83
«Пряди, метель, свою кудель...»	84
Ночь	85
А дома...	85
«Журавлинный клин качается...»	86
«От пересудов и простуды...»	87
Деревня	87
«Под Заполяряя сумрачные своды...»	88
«Живешь себе спокойно...»	90
«Не ищи дорог без терний!»	90
«Блок. 1911 год»	91
В больнице	92
«Мне забот придумывать не надо...»	92
«Расставание необходимо...»	93
«Пока ты рядышком живешь...»	94

«Побывали люди на Луне...»	94
«Чего я желаю...»	95
«Столько разных настроений...»	95
«Ты скажи, к кому меня ревнуешь...»	96
«На улицу она глядела...»	97
«Прощайте, углы дома!»	97
Вступление	98
«При разлуке милая призналась...»	98
«Отгуляли, кажется, ребята...»	98
«Захочу порой ночью...»	99
«Половодья лихая путина...»	100
«Ночи холодные очень...»	100
«Небеса с одной-единой тучкой...»	101
«Полянка в розовых волнушках...»	102
На рыбалке	103
«Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой...»	103
«Полузабытой дорогой неспешно шагаю...»	104
«Среди разгула и разбоя...»	105
«Небеса надо мнай посинели...»	105
«Засвечу полуночную лампу...»	106
«Лес — моя зеленая обитель...»	106
Памяти А. Я. Яшина	107
«А на улице дождь...»	108
«Живу в прекрасном городке!»	108
Стихи с дороги	109
«В колее проступает водица...»	110
Письмо без адреса	110
«От костров отпрянувшие тени...»	112
«Тропа раздвинула деревья...»	112
Вечерние стихи	113
По тихим тропам родины моей...»	114

*Издание подготовлено к печати при поддержке
Администрации Вологодской области*

ЧУХИН
Сергей Валентинович

БЕСКОНЕЧНЫЙ ПУТЬ

СТИХИ

Редактор А. А. Цыганов
Художник Э. В. Фролов

Сдано в набор 28.09.2000 г. Подписано в печать 24.11.2000 г.
Формат 70×108/32. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 5,25.
Печать офсетная. Тираж 999. Заказ 3550.

Вологодская писательская организация
160035, г. Вологда, ул. Ленина, 2.
ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

20р.